К.Р.

Париж
1965 год.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

К. Р.

ТОМ 1

Лирические стихотворения

Издательство «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

Париж

1965 год.

Настоящее полное собрание сочинений К. Р. издано в Париже, Издательством «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» Общекадетского Объединения во Франции, под редакцией А. А. Геринга, в количестве 750 экземпляров.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Царственный поэт К. Р. Великий Князь Константин Константинович родился в Стрельне, под Петербургом, 10 августа 1858 года.

Отец его — Великий Князь Константин Николаевич, — второй сын Императора Николая Павловича, Генерал-Адмирал Российского Флота, на долю которого выпала тяжелая задача возрождения нашей морской силы после несчастной Восточной войны, широко образованный и просвещенный человек,главный деятель и ближайший помощник своего старшего брата в деле освобождения крестьян. Мать — Великая Княгиня Александра Иосифовна отличалась своей красотой и живым, острым умом.

Воспитание и образование Великого Князя велось под непосредственным наблюдением этих двух выдающихся людей — его родителей и обстоятельство это сыграло важную роль в его жизни и позволило развиться его врожденным дарованиям и художественным наклонностям.

С ранних лет, Великий Князь полюбил искусство, в особенности, литературу и с жаром предавался ее изучению. Прекрасное знание языков дало ему возможность ознакомиться с лучшими произведениями европейских писателей в подлинниках и оставить нам превосходные образцы переводов Шекспира, Шиллера и иных.

Предназначенный отцом к морской службе, Великий Князь двенадцать лет своей жизни отдал родному флоту, совершил несколько дальних плаваний и только в 1882 году был переведен лейб-гвардии в Измайловский полк и назначен командиром роты Его Величества, прокомандовав которой семь лет, был произве-

ден в полковники, с назначением Командующим лейб-гвардии Преображенским полком. В 1900 году, он получил новое назначение Главного Начальника военно-учебных заведений и вслед затем — Генерал-Инспектора оных, должность в которой он пробыл до самой своей кончины —2/15 июня 1915 года.

Человек редкостных душевных качеств, исключительно благожелательный к людям, везде, на своем жизненном пути, он оставлял по себе прекрасную память и внушал всем, соприкасавшимся с ним людям, чувство искренней к нему любви и горячей привязанности. Особенно это сказалось при управлении им военно-учебными заведениями, воспитанники которых и по сию пору почитают его как-бы своим Отцом и воспитателем. Боз преувеличения можно сказать что большая часть молодого русского офицерства начала этого века были его детъми и питомцами, в воспитание которых Великий Князь вложил всю свою душу и неисчерпаемый запас любви.

Настало время — нам отплатить Великому Князю за все что мы, своевременно, от него получили и вот этим первым полным изданием его сочинений, мы и хотим выразить всю нашу благодарность и верность его памяти и создать ему памятник, — сохранить его имя и труды в памяти русского народа. Да пьют будущие поколения русских людей из этого чистого источника подлинного искусства и поэзии.

***

Первое, известное нам, стихотворение Великого Князя «Задремали волны» написано им в мае 1879 г., во время пребывания в Крыму и только в 1882 году, в августовском номере «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ», впервые появились в печати эти, по выражению А. Н. Майкова, милые две буквы, что два яркие огня» — К. Р.. Ими было подписано стихотворение «Псалмопевец Давид».

Четыре года спустя вышел из печати но не поступил в продажу первый сборник стихотворений К. Р., отпечатанный только в количестве тысячи экземпля-

ров. Сборник этот Великий Князь послал для отзывов Фету, Майкову, литературным критикам Страхову, Никольскому и другим. С этого дня и до самой кончины поэта в 1892 году, тесная дружба связала Фета с молодым поэтом.

3 мая 1899 г. состоялся Высочайший Указ Правительствующему Сенату коим Великому Князю Константину Константиновичу «Всемилостивейше повелевалось быть Президентом Императорской Академии Наук». Этот-же год ознаменовался в жизни поэта К. Р. выходом в свет двух сборников его стихотворений и началом перевода бессмертной трагедии Шекспира — «Гамлет».

С 1891 года, стали появлятъс в свет немецкие переводы стихов К. Р., сделанные профессором Юлиусом Гроссе, по подстрочному переводу В. В. Розанова.

В 1898 году, Великий Князь закончил перевод «Гамлета», еще около двух лет ушло у него на работу над комментариями к нему и только 17 февраля 1900 г., трагедия впервые полностью увидела свет рампы, в Эрмитажном театре. Заглавную роль исполнял сам Царственный поэт, остальные участники были, главным образом, офицеры лейб-гвардии Измайловского полка, члены, основанных Великим Князем в полку — «Измайловских Досугов». В 1900 году новый перевод «Гамлета» вышел из печати в трех томах — из коих два являлись комментариями к нему.

***

Не предполагая делать критический разбор литературной деятельности К. Р., я хочу только отметить что все творчество его дышало любовью к Родине, к ее природе, к русскому человеку, к его подвигу и славе. В своих стихах, посвященных описанию русской природы, поэт дает картины незабываемой красоты и правдивости. Его бессмертная драма «Царь Иудейский», даже при простом чтении, производит огромное впечатление... Я уж не говорю о глубоком знании Великим Князем внутренней сущности русского солдата-

воина, будь-ли это маленький кадетик первого класса, бравый-ли сверхсрочнослужащий фельдфебель-из-майловец или первейший русский солдат — Генералиссимус Александр Васильевич Суворов, памяти которого он посвятил одно из прекраснейших своих произведений — сонет, оканчивающийся строками:

«Вот отчего Россия чтит усердно
«Создателя Науки побеждать.

Для нас, военных, в большинстве его воспитанников, поэзия К. Р. являлась еще лишним побуждением к строгому выполнени нашего долга; простыми и ясными словами, говорила она нам о любви к России, к своему младшему брату — солдату, облегчала тяготы походной жизни и звала на подвиг смерти и славы, во имя любви к Отечеству.

К. Р. нет среди нас, живых, но мы свято храним память о нем и хотим передать ее будущим поколениям молодых строителей России, в виде этого полного собрания его сочинений, как светильник долга и любви к Земле своих Отцов, зажженный творчеством нашего Царственного поэта.

Алексей Геринг

К. Р.

Великий Князь Константин Константинович

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

Крым
Май 1879.

ПРОЩАНИЕ С НЕАПОЛЕМ.

Мы на далекий север уплывали;
В последний раз на небо голубое,
На голубые волны мы взирали...
Прошло, прошло то время золотое!

А впереди синел простор безбрежный;
Залив пылал вдали в лучах заката,
И доносился чей-то голос нежный:
«O, bella Napoli! O, suol beato!

Фрегат «Герцог Эдинбургский»
30-го июня.

ПИСЬМО.

Великому Князю Сергею Александровичу.

... Неумолимою судьбою
На долго вновь разлучены,
Опять тоскуем мы с тобою,
Опять друг друга лишены.

На север сумрачный и дальний
Тебя увлек твой рок печальный;
На царство снега, зим и вьюг
Ты променял роскошный юг.

Но дней былых былое счастье
Найдешь ли ты в краю родном,
И в сердце пылком и кругом
Не встретишь ли одно ненастье?
Минувших лет не воскресить!
Былых времен не возвратить!

А помнишь Стрельну, Павловск милый?
А помнишь Царское Село?
И нашей осени унылой
Не то мороз, не то тепло?

А наши радости и беды?
А наши долгие беседы
В вечерний час с тобой вдвоем
За самоваром и чайком?

А на дворе так заунывно
Осенний ветер завывал,
По стеклам окон дождь хлестал,
А мы, бывало, непрерывно
Всю ночь болтаем напролет,
Пока совсем не рассветет.

Прошло то дорогое время!
Уж милых сердцу боле нет, —
Тебе осталось только бремя
Воспоминаний прежних лет.

Но ты, не помня горькой доли,
Как знаменосец в ратном поле,
Иди с хоругвею своей,
Иди вперед, иди смелей;

К высокой цели твердый волей
Стремися пылкою душой,
Стремись до сени гробовой
И в этой жизненной юдоли
Среди порока, зла и лжи
Борьбою счастье заслужи!

Татой.
9-го октября 1881.

СЕРЕНАДА.

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдешь в сновиденьях отраду;
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Много горестей, много невзгод
В дольнем мире тебя ожидает;
Спи же сладко, пока нет забот,
И душа огорчений не знает;
Спи во мраке ночном
Безмятежным ты сном,
Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой ангел-хранитель святой,
Милый друг, над тобою летает
И, лелея сон девственный твой,
Песню рая тебе напевает;
Этой песни святой
Отголосок живой
Да дарует тебе упованье!

Спи же, милая, спи, почивай
Под аккорды моей серенады!
Пусть приснится тебе светлый рай,
Преисполненный вечной отрады!
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Палермо.
5-го марта 1882 г.

ТЫ ПОБЕДИЛ, ГАЛИЛЕЯНИН!

Сраженный стрелою парфянскою, пал
Кесарь, отступник Христова учения,
В смертной тоске к небесам он воззвал:
«Ты победил, Галилеянин!»

Погиб Юлиан, враг Христова креста,
Церковь свободна от злого гонения.
Снова воскликнули верных уста:
«Ты победил, Галилеянин!»

Расторгнем же сети порока и зла,
К свету воспрянем из тьмы усыпления,
Вновь да раздастся и наша хвала:
«Ты победил, Галилеянин!»

Палермо.
30-го марта 1882 г.

Земля пробудилась от долгого сна,
Явилась предвестница лета, —
О, как хороша ты, младая весна,
Как сердце тобою согрето!

Люблю я простор этих ровных полей,
Люблю эти вешние воды.
Невольно в душе отразилась моей
Краса обновленной природы.

Но грустно и больно, что все, к чему мы
Привязаны сердцем так нежно,
Замрет под холодным дыханьем зимы
И вьюгой завеется снежной!

Афины.
20-го апреля 1882 г.

Вернулся Май! Уж журавли
Обратно прилетели,
Луга цветами зацвели,
Леса зазеленели.

За богатырским сном зимы
Настало пробужденье,
Как после ночи долгой тьмы
Денницы возрожденье.

Земля как будто лишь ждала
Весеннего лобзанья,
И в миг природа ожила
И всюду ликованье.

Весь мир поет, и ширь полей
И рощи тихий шелест,
И в каждой песне соловей
Весны волшебной прелесть.

Порою вешнею счастлив
Поэт: уж он не дремлет
И силы творческой прилив
Душою чуткой внемлет;

Он ударяет по струнам,
И, полно вдохновенья,
Его свободно к небесам
Несется песнопенье.

Земмеринг.
6-го мая 1882 г.

Опять снизошло на меня вдохновенье,
И звонкие струны рокочут опять:
Иль прежние снова вернулись волненья,
Иль снова я стану любить и страдать?

Нет, выдохлись старые, скучные песни,
Вы их от меня не услышите вновь.
Доныне дремавшая сила, воскресни!
Воскресни, проснися, иная любовь!

Любви безнадежной забота напрасна.
К чему тяготиться унынием, тоской?
Взгляните, как жизнь хороша и прекрасна,
И сколько блаженства дано нам судьбой.

Гремите же, струны! Полна увлеченья,
В честь жизни раздайся, о песня моя!
Забыв и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья!

Стрельна.
12-го июля 1882 г.

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье,
И зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук
И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженой любви,
Тот сокровенный творчества недуг —
Поймете ль вы?...
Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья...

Но если, бессознательно порою
Высокий долг поэта позабыв,
Пленялся я чарующей мечтою,
И звуков увлекал меня наплыв, —
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голос тайный.
Что может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!...

Стрельна.
13-го июля 1882 г.

ОТДОХНИ.

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь,
Ты устала, моя дорогая!
Не пора ли тебе отдохнуть?

Среди всякого зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себе утешенья
В этой грустной юдоли земной.

Как волна беспокойного моря,
Без тревоги ты жить не могла:
Если б даже и не было горя,
Ты сама бы его создала!

Но вглядись: в нашей жизни печальной
Разве нет и хороших сторон?
Ведь не все слышен звон погребальный, —
Раздается ж и радости звон.

Помирись же с судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, сбираяся с силою новой,
Милый друг, отдохни, отдохни!

Стрельна.
8-го августа 1882 г.

ПИСЬМО.

Семейству П. Е. Кеппена.

Вот умчалися дни золотые,
Как волшебные, чудные сны:
Так разносятся брызги седые
Голубой океанской волны.

Но то время хотя и далеко,
Я поныне мечтаю о нем:
Оно в душу запало глубоко,
Оно врезалось в сердце моем.

В вашем доме я столько участья,
Столько дружбы всегда находил;
С вами я и мгновения счастья,
И минуты печали делил.

Если ж сердце порой изнывало
Среди всякой тревоги мирской,
В вашем доме, как путник усталый,
Находил я и мир и покой.

И теперь среди прелестей юга,
В благодатной, роскошной стране
Дорогого семейного круга
Лица милые видятся мне.

Мне мерещатся Настины глазки,
Светлорусые волны кудрей,
Ее милые, нежные ласки,
Лепет слышится детских речей.

Но как вспомню, что долго и много
Мне скитаться еще надлежит,
Что идем не одной мы дорогой,
Что разлука меж нами лежит,

Так болезненно сердце сожмется,
Так заноет мучительно грудь!
Но что делать! Ведь время несется.
Верю я, что окончится путь,

Что достигну я края родного,
Что вас всех я увижу опять,
И что вы не откажетесь снова,
Как бывало, меня приласкать.

Флоренция.
24-го октября 1882.

С НЕМЕЦКОГО.

О нет, за красоту ты не люби меня
И не люби за то, что я живу богато:
За красоту люби сиянье дня,
А за богатство — серебро и злато.

*

И не люби меня за молодость мою:
Люби весну, — она все та же бесконечно.
Меня люби за то, что я люблю,
И что любить тебя я буду вечно!

Флоренция.
25-го октября 1882 г.

ПИСЬМО.

Великому Князю Сергею Александровичу.

Вот и опять мы с тобою расстались,
Будем грустить друг без друга, скучать...
Дни золотые далеко умчались
И никогда не вернутся опять!

Ты в дорогое вернешься отечество:
Царскую службу, знакомых, друзей,
Дружной среды полковой молодечество
Снова найдешь ты с течением дней.

Но среди радостей севера дальнего
Вспомнишь — не правда ли — ты обо мне?
Вспомнишь — не правда ли — друга печального,
Жить обреченного в чуждой стране?

Вспомнишь, что прелести юга блестящего,
Небо лазурное, солнце, цветы
Не веселят его сердца болящего;
Что все надежды, желанья, мечты.

Помыслы, чувства его и влечения
Вечно тоскуют по крае родном;
Вспомнишь и все эти злые мучения
Верно откликнутся в сердце твоем.

Много ты в жизни понес огорчения,
Много печали и горя узнал, —
Я же лишь радости, лишь увлечения,
Лишь похвалы да удачи встречал.

Я родился под звездою счастливою,
Годы беспечно катились мои;
Но как осенней порою дождливою
Лета сменяются теплые дни,

Так моя юная жизнь омрачилася,
Дух беззаботный окреп, возмужал,
Сердце впервые тревожно забилося
Сладость и муки любви я узнал.

Что-то меня ожидает со временем?
Дней ли безоблачных светлая нить,
Иль под тяжелым, мучительным бременем
Жизнь безотрадную буду влачить?

Что бы там ни было! Пусть упования
Сгинут, пускай разлетятся мечты,
Пусть не сбываются все ожидания,
Пусть среди этой земной пустоты

Я бы нигде не нашел облегчения —
Лишь бы осталась мне дружба твоя:
В ней моя сила, мое утешение,
И на нее вся надежда моя!

О, сохрани же мне дружбу глубокую!
Я так нуждаюся в дружбе твоей.
Вместе мы в будущность будем далекую,
Сильны друг другом, смотреть веселей.

Венеция.
5-го ноября 1882.

ЗАТИШЬЕ.

Голубые покоились волны,
Голубой свод небесный дремал...
В мертвом сне цепенея, безмолвный
Час томительный полдня настал.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали...

Притупилися все ощущенья,
Все застыли волненья в груди,
И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди.
Лишь испуганно, где-то глубоко
В задремавшем уме притаясь,
О минувшем мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...

Афины.
23-го декабря 1882 г.

ЖЕНИХУ И НЕВЕСТЕ.

Аф. Ал. Ильину и В. Н. Философовой.

1.

Я вам не нравлюсь... Вы любили
Лишь дружбу, не любовь мою;
Мои надежды вы сгубили,
И все-таки я вас люблю!

Когда же после, как-нибудь,
Поймете вы мои мученья,
И незаметно в вашу грудь
Проникнет капля сожаленья, —

То будет поздно... Расцветают
Лишь раз весенние цветы:
Уж сердца вновь не приласкают
Перестрадавшие мечты.

Афины.
4-го января 1883 г.

2.

Милая, часто мое вырывалось признанье;
Но каждый раз ты мне рот зажимала рукою,
Словно тебе угрожала минута страданья,
Лишь только я объясниться решался с тобою.
Я понимаю, что в будущность страшно вглядеться,
Девичий стыд твой и робость твою понимаю:
Море не может под утра лучем не зардеться,
Мир — не расцвесть, поцелуям весенним внимая.
Но я не в силах безмолвно тобой любоваться;
Рвется наружу душа от избытка волненья...
Милая, речи признанья зачем опасаться?
Нежной любви в этой речи звучат выраженья.
Видишь, и малый птенец из гнезда вылетает,
Мира его увлекает широкая воля;
Пусть же, дитя мое, боле тебя не пугает
Новая в будущем и неизбежная доля.
Только не мучь меня невыносимым молчаньем,
Выслушай, выслушай речи мои, не робея!
Разве не веришь ты, что откровенным признаньем
Не причиню ни единой печали тебе я!...

Афины.
15-го января 1883 г.

3.

О, как бы я желал все счастие вселенной
Излить на ваши юные сердца!
Чтоб никакая скорбь земли больной и тленной
Неведома была вам до конца.

И чтобы, отложив заботы, попеченья,
Как голуби воркуя, жили вы,
И ваши чтоб сердца слиясь в одно биенье,
Пылали пламенем одной любви.

Чтоб всякая печаль при вас двоих немела,
Чтоб ничего не плакало кругом,
И чтоб, затрепетав, природа вся запела,
Увидя, как вы счастливы вдвоем!

Афины.
18-го января 1883 г.

4.

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.

О, мой жених, мой милый, мой желанный!
Нам первая разлука предстоит:
И вот — недуг мучительный, нежданный
Мне сердце нестерпимо леденит.
Немного времени прошло с тех пор,
Когда в своей любви ты мне открылся,
Когда твой нежный, твой молящий взор
Так ласково на мне остановился, —
Как будто сон носился надо мною;
И так блажен был этот дивный сон,
Что если Бог взирал на нас с тобою, —
Не мог за нас не радоваться Он!
Как тягостна минута пробужденья...
О, милый мой, скорей вернись сюда,
И мы заснем, задремлем, как тогда
И повторится то же сновиденье!

Афины.
30го января 1883 г.

5.

Тебя я видела во сне, —
Как будто с нежною тоскою,
Склонился на плечо ко мне
Ты белокурой головою.
И слезы из моих очей
Тихонько на тебя катились,
И капая, они струились
По кольцам шелковых кудрей.

О чем была твоя печаль,
О чем мои лилися слезы, —
Не понимаю. И едва ль
Понять возможно эти грезы.
Своей любовью, милый мой,
Ты счастья дал мне совершенство:
Не от избытка ли блаженства
Во сне грустили мы с тобой?

Афины.
7-го февраля 1883 г.

6.

Я сначала тебя не любила,
Ты тревожил меня и пугал,
Меня новая участь страшила,
И неведомый жребий смущал.

Твоего я боялась признанья...
Но настал неминуемый час, —
И, не помня себя, без сознанья
Я на веки тебе отдалась.

И рассеялись вдруг опасенья,
Прежней робости нет и следа:
Под лучами зари во мгновенье
Так туманная тает гряда.

Словно солнце, любовь просияла,
И немеркнущий день заблистал:
Жизнью новою сердце взыграло,
И священный огонь запылал.

Афины.
15-го февраля 1883 г.

7.

Мне жаль тебя... Не ценишь и не знаешь
Ты полноты блаженства своего
И мнишь, что, словно в книге ты читаешь
В своей душе подробности того,
Что прежде мило было, но прошло
И уж давно травою поросло...
Любви неопытной, первоначальной
Припоминаешь ты закат печальный, —
Не верь себе! То лишь одна мечта,
Лишь бред один то был поры, когда
Твоя душа, во что бы то ни стало,
Кого-нибудь просилась полюбить,
И первый, с кем судьба тебя сближала,
Легко твою любовь мог возбудить.
Поверь, дитя! Его ты не любила,
Лишь прихоть то мгновенная была.
Я знаю: ты давно ему постыла...
Теперь пора иная подошла:
Ты отдалась другому. Так глубоко
И нежно так тебя он полюбил:
Все, что в душе и чисто и высоко,
Доверчиво тебе он посвятил.
Зачем же неутешно так вздыхаешь
Ты о былом и слезы проливаешь?
Отдайся вся ему, всей полнотой
Чувств, помыслов, желаний и стремлений
И полюби всей любящей душой
Его без памяти, без опасений
И без стыда... А прошлое забудь,
И ты почувствуешь когда-нибудь,
Что счастье он принес тебе с собою,
Что без него ты не могла бы жить,
И что необъяснимою судьбою
Тебе его назначено любить.

Афины.
16го февраля 1883 г.

8.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ.

Вот, миновала разлука унылая,
Пробил свидания час, —
Светлое, полное счастие, милая,
Вновь наступило для нас.

Долго томилося, полно страдания,
Сердце твое, но поверь:
Дни одиночества, дни испытания
Мы наверстаем теперь.

Нежные речи, любви выражения
Вновь потекут без конца,
И во единое снова биение
Наши сольются сердца.

Пусть сочетает созвучье единое
Наши две души, и вновь,
Словно весенняя песнь соловьиная,
Наша воспрянет любовь!

Афины.
7-го марта 1883 г.

9.

НАДПИСЬ В ЕВАНГЕЛИЕ.

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются, —
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Афины.
2-го апреля 1883 г.

С. А. ФИЛОСОФОВОЙ

Вы помните ль? Однажды, в дни былые,
К пруду мы с вами в полдень забрели,
В воде играли рыбки золотые,
И белые кувшинчики цвели.
Мы на скамью уселись с вами рядом,
Рассеянно следя усталым взглядом
Игривый пестрых бабочек полет...
Над нами зеленел тенистый свод
И, липовым нас цветом осыпая
Затейливою сетью рисовал
Узоры по песку; благоухая,
Куст алых роз вблизи нас расцветал...
И так тепло и солнечно так было!
Без слов мы наслаждались тишиной, —
Но сердце все ж сжималося и ныло,
Как бы перед грозящею бедой.
И предвкушая будущие муки,
Душа, робея, торопилась жить,
Чтоб близость неминуемой разлуки,
Хоть на одно мгновенье отдалить.

Афины.
30го марта 1883 г.

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величью я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?

Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его душе моей:
То песнь моя!... Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой.
Когда же звуки песни вдохновенной
Достигнут человеческих сердец,
Тогда я смело славы заслуженной
Приму неувядаемый венец.

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что Царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь,
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно до конца,
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.

Афины.
4-го апреля 1883 г.

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплывает луна из-за тучи,
Над гладью морской тишина разлилась.

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден ненасытный недуг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух!

Красное Село.
2-го июля 1883 г.

Уж гасли в комнатах огни...
Благоухали розы...
Мы сели на скамью в тени
Развесистой березы.

Мы были молоды с тобой!
Так счастливы мы были
Нас окружавшею весной;
Так горячо любили!

Двурогий месяц наводил
На нас свое сиянье:
Я ничего не говорил,
Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синих глаз твоих
Ты опускала взоры:
Красноречивей слов иных
Немые разговоры.

Чего не смел поверить я,
Что в сердце ты таила,
Все это песня соловья
За нас договорила.

Павловск.
30-го июля 1883 г.

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

Великому Князю Георгию Михайловичу.

Дверь распахнулась... Облитый лучами
Зеленый сад благоухал;
Широкий путь, усеянный цветами,
В даль голубую убегал.

Из тесноты докучливой и душной
Ты в жизнь привольную вступил,
И свет заманчивый тебе радушно
Свои объятия раскрыл.

Дверь распахнулась... С Богом, отрок милый,
Пускайся смело в дальний путь
И полн отваги, полн надежд и силы
Неустрашим и крепок будь!

Красное Село.
11-го августа 1883.

ПРИНЦЕССЕ ЕЛИСАВЕТЕ САКСЕН-АЛЬТЕНБУРГСКОЙ

Взошла луна... Полуночь просияла,
И средь немой, волшебной тишины
Песнь соловья так сладко зазвучала,
С лазоревой пролившись вышины.

Ты полюбила, — я любим тобою,
Возможно мне, о друг, тебя любить!
И ныне песнью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.

Стрельна.
3-го сентября 1883 г.

РАЗЛУКА

Еще последнее объятье,
Еще последний взгляд немой,
Еще одно рукопожатье, —
И миг пронесся роковой...
Но не в минуту расставанья
Понятна нам вся полнота
И вся действительность страданья,
А лишь впоследствии, когда
В семье, среди родного круга,
Какой-нибудь один предмет
Напомнит милый образ друга,
И скажет, что его уж нет.

Пока разлука приближалась,
Не верилось, что час пробьет;
Но что несбыточным казалось,
Теперь сознанью предстает
Со всею правдой, простотою
И очевидностью своей.
И вспоминается с тоскою
Вся горесть пережитых дней;
И время тяжкое разлуки
Так вяло тянется для нас,
И каждый день, и каждый час
Все большие приносят муки.

Стрельна.
5-го октября 1883 г.

ПРИНЦЕССЕ ЕЛИСАВЕТЕ САКСЕН-АЛЬТЕНБУРГСКОЙ

Я засыпаю... Уж слабея и бледнея,
Сознанье еле властно надо мной,
И все еще, как наяву, дрожа, немея,
Я вижу образ твой перед собой.

За мной смыкаются действительности двери,
Я сплю, — и в царстве призраков и снов
Ты мне являешься, пленительная пери,
И звуки ласковых я слышу слов.

Я просыпаюсь, полн волшебных впечатлений
К тебе протягиваю руки я, —
Но расступилися уже ночные тени,
Уж воцарилося сиянье дня.

И пронеслися мимолетные виденья...
И целый день с томлением, с тоской
Я темной ночи жду, — жду грез и усыпленья,
Чтоб хоть во сне увидеться с тобой!

Петербург.
9-го октября 1883 г.

Давно забытая под слоем пыли
Умолкла лира... Песни молодые,
Созвучья вдохновенные застыли,
И порвалися струны золотые.

Была пора... Со мною то же было,
Недугом тягостным душа болела,
И все в ней лучшее дремало, стыло...
Любить, надеяться она не смела...

Но день придет; вернется вдохновенье,
Вновь порванные струны натяну я,
И вновь мое раздастся песнопенье,
Денницу новой жизни торжествуя.

Мраморный Дворец.
5-го мая 1884 г.

Повеяло черемухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливается
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздается песнь моя
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

Красное Село.
20-го июня 1884 г.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИСАВЕТЕ МАВРИКИЕВНЕ

О, не дивись, мой друг, когда так строго
Я пред тобой молчаньем обуян:
На дне морском сокровищ много,
Но их не выдаст океан.

В душе моей загадочной есть тайны,
Которых не поведать языком,
И постигаются случайно
Они лишь сердцем, не умом.

О, пусть духовный взор твой сокровенно
Проникнет в глубину души моей,
И тайны все ее мгновенно
Легко ты разгадаешь в ней.

Так месяц глубь морскую проницает
Снопом своих серебряных лучей
И безмятежно созерцает
На дне сокровища морей.

Красное Село.
3-го августа 1884 г.

С. А. ФИЛОСОФОВОЙ

Я нарву вам цветов к именинам,
Много пестрых, пахучих цветов:
И шиповнику с нежным жасмином,
И широких кленовых листов.

Подымуся я ранней порою,
Заберуся в густую траву
И, обрызганных свежей росою,
Вам лиловых фиалок нарву.

Побегу я в наш садик тенистый
И по всем буду шарить кустам:
Есть у нас и горошек душистый,
И гвоздика махровая там;

Камыши берега облепили,
Отражаясь в зеркальном пруде,
Белоснежные чашечки лилий
Распустились в прозрачной воде.

Я в широкое сбегаю поле,
Где волнуется нива кругом,
Где хлеба дозревают на воле,
Наливается колос зерном;

Где кружится рой пчел золотистый,
Копошатся проворно жуки,
Где, пестрея во ржи колосистой,
С алым маком цветут васильки.

Я обеими буду руками
И цветы, и колосья срывать
И со всеми своими цветами
Вас скорей побегу поздравлять.

Стрельна.
28-го августа 1884 г.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИСАВЕТЕ ФЕДОРОВНЕ

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Село Ильинское.
24-го сентября 1884 г.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Еще одна тяжелая утрата
На жизненном пути твоем:
Еще одна страдалица объята
Невозмутимым, вечным сном.

Еще прибавилось воспоминанье
Тебе о лучших временах,
Когда, чужда печали и страданья,
В весенних радостных лучах,

УУвенчана душистыми цветами,
Дыша весельем молодым,
Жизнь улыбалась ясными очами
Так ласково мечтам твоим.

Но не кляни судьбы! Беги роптанья
На тягость горькой череды!
По многом лишь и долгом испытаньи
Покой и мир заслужишь ты.

Вот, видишь ли: утраты неизбежны,
Но дни разлуки коротки.
Смотри: цветок под бурею мятежной
Свои роняет лепестки,

Чтоб распуститься с новою весною
Еще прекрасней и пышней.
Так надлежит бестрепетной душою
И нам средь горя и скорбей

Воспоминанье за воспоминаньем,
Беду за тяжкою бедой
Ронять в прошедшее, чтобы страданьем
Купить блаженство и покой.

Петербург.
1-го апреля 1885 г.

М. П. МАРКОВУ

Блажен, кто улыбается,
Кто с радостным лицом
Несет свой крест безропотно
Под терновым венцом;

Не унывает в горести,
В печали терпелив
И слезы копит бережно,
Их в сердце затаив.

Блажен, кто скуп на жалобы,
Кто светлою душой
Благословляет с кротостью
Суровый жребий свой;

Кто средь невзгод, уныния,
Тревоги и скорбей
Не докучает ближнему
Кручиною своей;

Кто, помня цель заветную,
Бестрепетной стопой
И весело и радостно
Идет своей стезей.

Блажен, кто не склоняется
Перед судом молвы,
Пред мнением толпы людской
Не клонит головы;

Кто злыми испытаньями
И горем закален,
Исполненный отвагою,
Незыблем и силен

Пребудет тверд и мужествен
Средь жизненной борьбы,
Стальною наковальнею
Под молотом судьбы.

Венеция.
10-го апреля 1885 г.

Затишье на море... За бурею строптивой
Настала мертвая, немая тишина:
Уж выбившись из сил, так вяло, так лениво,
Едва колышется усталая волна.

Затишье на сердце... Застыли звуки песен,
Тускнея, меркнет мысль, безмолвствуют уста,
Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, —
В душе холодная такая пустота.

Но налетит гроза, и дрогнут неба своды,
Заблещут молнии и разразится гром,
И грозный ураган на дремлющие воды
Дохнет властительным, победным торжеством.

Так минет наконец пора дремоты косной,
Унылая душа воспрянет ото сна,
И снова грянет песнь моя победоносно, —
И потечет стихов созвучная волна!

Венеция.
16-го апреля 1885 г.

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

Давно ли, кажется, больной, нетерпеливый,
Тревожно так, с томлением, с тоской,
В мучительном бреду, то грустный, то счастливый
Я ожидал свидания с тобой?

И наконец настал желанный час свиданья,
И всей душой отдавшися ему,
Не находил я слов и, притаив дыханье,
Прислушивался к счастью своему.

В избытке радости уста мои немели,
Мутился ум, кружилась голова, —
Я так блаженствовал! Но не прошло недели,
Как раздались прощальные слова.

И мне не верится, что на яву то было:
Нет, то был радужный, волшебный сон,
И как во тьме ночной померкшее светило,
Мгновенно пролетел и сгинул он!

То лихорадочный был бред ума больного, —
Нет призраков, уж смолкли голоса.
И на действительность я раскрываю снова
Слезами обожженные глаза...

Венеция.
5-го мая 1885 г.

Растворил я окно, — стало грустно не в мочь, —
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Мейнинген.
13-го мая 1885 г.

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.

А отливы заката, алея, горя,
Синеву уж румянят небесную:
На весну наглядеться не может заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.

Напоенный душистым дыханьем берез,
Воздух в юную грудь так и просится, —
И волшебных, чарующих полная грез
Далеко моя песня разносится!

Альтенбург.
21-го мая 1885 г.

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюся порою
Средь всяких дрязг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.

Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри, не каждый ли из нас
Несовершенное созданье?

Мы жертвы слабые судьбы,
Проступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самом солнце пятна.

Но нет, пусть ум твердит свое!
Душа с рассудком не мирится,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится.

И тщетно ищешь рифм и слов,
Зовешь напрасно вдохновенье, —
И раздраженный, в озлобленьи
Я не могу писать стихов!

Дрезден.
22-го мая 1885 г.

ПЕРЕД СИКСТИНСКОЮ МАДОННОЙ

Una cosa veramente
rarissima e singolare.
Vasari.

Глядишь на этот образ запрестольный,
И слово замирает на устах:
Молиться хочется невольно,
И слезы копятся в глазах.

*

Так и влечет в священном восхищеньи,
Как папа Сикст, колени преклонить
И, как Варвара, в умиленьи
Взор недостойный опустить!

Дрезден.
23-го мая 1885 г.

Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья
О жизни в гроб с собой не унесем;
Что смерть, прервав на век и радость и страданья,
Нас усыпит забвенья тяжким сном.

Раскрышись где-то там, ужель ослепнут очи,
И уши навсегда утратят слух?
И память о былом во тьме загробной ночи
Не сохранит освобожденный дух?

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете,
И Моцарт Реквием свой разлюбил?

Не может быть! Нет, все, что свято и прекрасно,
Простившись с жизнью, мы переживем
И не забудем, нет! Но чисто, но бесстрастно
Возлюбим вновь, сливаясь с Божеством!

Штадтгаген.
(Княжество Шаумбург-Липпе).
24-го мая 1885 г.

РАФАЭЛЬ САНЦИО

1483—1520.

В Страстную пятницу недаром он родился,
В Страстную пятницу недаром умер он!
В него божественный дух творчества вселился,
Он свыше тайною был силой облечен.

*

Небесной, ангельской красою одаренный,
Недаром имя он бесплотного носил,
И верить хочется, что кистью несравненной
Его руководил архангел Рафаил...

Петербург.
30-го мая 1885 г.

Вчера мы ландышей нарвали,
Их много на поле цвело;
Лучи заката догорали,
И было так тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
Кой-где березовый лесок,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песок.

Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бедно;
Пусть хорошо все это было
Знакомо нам давным давно, —

Налюбоваться не могли мы
На эти ровные поля...
О, север, север мой родимый,
О, север, родина моя!

Красное Село.
16-го июня 1885 г.

Отцветает сирень у меня под окном,
Осыпаются кисти пушистые...
Уж пахнуло, повеяло летним теплом;
Гуще зелень берез, солнце знойным лучем
Золотит их стволы серебристые.

Скоро лето придет и опять уберет
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость в нашем саду зацветет,
И опять незабудками сплошь заростет
Мшистый берег над речкой студеною.

Скоро скошенным сеном запахнет кругом...
Как бы досыта, всласть грудью жадною
Надышаться мне этим душистым теплом,
Пока мир ледяным не уснул еще сном,
Усыпленный зимой безотрадною!

Павловск.
28-го июня 1885 г.

Как жаль, что розы отцветают!
Цветов все меньше по садам,
Уж дни заметно убывают,
И звезды ярче по ночам.

Жасмин отцвел, сирень увяла,
Давно нет ландышей нигде,
Один шиповник запоздалый
Еще алеет кое-где.

Уж сено убрано; долины
Лиловым вереском полны;
Уж спеют ягоды рябины,
Уж листья желтые видны...

Мы и заметить не успели,
Как осень скучная пришла,
Как пронеслися те недели
Весны и солнца, и тепла,

Как миновало наше лето,
А с ним и все его цветы,
И все благоуханье это,
Весь этот праздник красоты!

Красное Село.
3-го августа 1885 г.

Смеркалось; мы в саду сидели,
Свеча горела на столе.
Уж в небе звезды заблестели,
Уж смолкли песни на селе...
Кусты смородины кивали
Кистями спелых ягод нам,
И грустно астры доцветали,
В траве пестрея здесь и там.
Между акаций и малины
Цвел мак махровый над прудом,
И горделиво георгины
Качались в сумраке ночном.
Тут и березы с тополями
Росли, и дуб, и клен, и вяз,
И ветви с зрелыми плодами
Клонила яблоня на нас;
Трещал кузнечик голосистый
В кусте осыпавшихся роз...

Под этой яблоней тенистой
В уме столпилось столько грез
И столько радужных мечтаний,
Живых надежд, волшебных снов
И дорогих воспоминаний
Былых, счастливейших годов!...
. . . . . .
Сад задремал; уже стемнело,
И воцарилась тишина...
Свеча давно уж догорела,
Всходила полная луна, —
А мы... мы все в саду сидели,
Нам не хотелось уходить!
Лишь поздней ночью еле-еле
Могли домой нас заманить.

Мыза Смерди.
15-го августа 1885 г.

Как хорошо бывало летом
В цветущем садике моем,
Так жарко, знойно так пригретом
Горячим солнечным лучем!
Тот запах липового цвета,
Уж я вдыхал его, вдыхал!

Прошли те дни тепла и света,
Когда весь мир благоухал,
Когда душистого горошка
Так много было под окном...
А уж теперь моя дорожка
Опавшим устлана листом,
Мои березки пожелтели,
Уж осыпается мой сад...

И мне сдается: не во сне ли
Весь этот радужный наряд,
Которым, как в волшебной сказке,
Была разубрана земля,
Весь этот блеск, все эти краски,
Всю эту прелесть видел я!

В карауле в Зимнем дворце.
13-го сентября 1885 г.

Мне снилось, что солнце всходило,
Что птицы очнулись от сна
И стаей неслись легкокрылой
Поведать природе унылой,
Что скоро вернется весна!

Забыты снега и морозы,
Уж льды расторгает поток;
И вот — оживают березы,
Повеяло запахом розы,
И теплый пахнул ветерок...

То сном мимолетным лишь было,
Обманчивым призраком грез:
Нет, солнце еще не всходило,
И в мире царили уныло
И льды, и снега и мороз!

И прежнего боле тоскуя,
Душа нетерпенья полна,
Я жду твоего поцелуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна!

Мраморный дворец.
16-го декабря 1885 г.

Тебя преследует людская злоба,
И не дают тебе от скорби отдохнуть;
Но потерпи немного: ведь до гроба
Не долог путь!

Пробьет желанный час освобожденья,
Земли оковы смерть сорвет своей рукой,
И отойдешь в блаженном усыпленьи
Ты на покой.

Упреки колкие, обиды злые,
Все, все переноси и не кляни людей:
Они орудья слабые, слепые
Судьбы своей.

Терпи безропотно свои страданья,
Последнюю слезу скорее с глаз отри
И за печали все, за испытанья
Благодари

Петербург.
30-го декабря 1885 г.

Когда, провидя близкую разлуку,
Душа болит унынием и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о, друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

С.-Петербург.
7-го января 1886 г.

НА СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА

Что корабль под всеми парусами,
Гавань тихую забыв,
Уносимый буйными ветрами
Мчится смел и горделив
В голубом потешиться просторе
С прихотливою волной, —
Ты стремишься в жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
В добрый час! Не бойся урагана,
Перед бурей не робей,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивых зыбей!
Смелым Бог владеет: полон силы,
Полн отваги юной будь,
Не бросай надежного кормила
И держи прямее путь.
Чист душой стремись неустрашимо
Полон веры в подвиг свой
И борись, борись неутомимо
С бурной жизненной волной!

Мраморный дворец.
1-го апреля 1886 г.

Уж скоро стает снег, и понесутся льдины*)
Вдоль по течению освобожденных струй,
И вновь слетит весна в расцветшие долины
И подарит земле свой первый поцелуй.
А перелетных птиц ликующая стая
Вернется поглядеть на вешние цветы,
И солнце загорит, восторженно блистая,
Над этим праздником чудесной красоты.

Как много свежести, тепла, благоуханья,
Как много света нам несет с собой весна!
Как много счастья в ней, любви, очарованья!
Как упоительна, как хороша она!

Но всем ли принесет она одни услады,
Одно веселие, надежды и цветы?
Но все ли будем мы так искренно ей рады,
И сбудутся ли все заветные мечты?
Когда дары своей кошницы благовонной
Рукою щедрою посыплет нам весна,
Быть может кто-нибудь найдется обделенный
И не замечанный? Бездольного она
Своими теплыми не озарит лучами,

*) Написано к состязанию «Измайловских Досугов» на тему стихотворения А. Н. Майкова:

«Над необъятною пустыней океана».

Ему пленительной улыбки не пошлет
И, осыпая мир душистыми цветами,
Вдаль от забытого направит свой полет.
Быть может, как мечта, как звук неуловимый,
Как лучезарный сон, беспечна, молода,
В избытке юности она промчится мимо.
Не ведая его!

О, пусть же и тогда
Не молвит он во след ей злобного укора,
И, горькую печаль глубоко затая,
Пусть не кидает он завистливого взора
Ее избранникам и баловням ея.
О, пусть не выдает души своей страданья
Он ни единою напрасною слезой,
Чтоб не смутить ничем все это ликованье
И радость, и восторг, навеянный весной.

С.-Петербург.
30-го апреля 1886 г.

Помнишь ли ты, как бродили мы по полю
В жаркий, безоблачный день?
К стройному сели с тобою мы тополю
Рядом, в душистую тень.

Помнишь, смеясь, я твои слушал жалобы
На утомленье и зной;
Ты говорила, что век отдыхала бы
Здесь, в этой травке густой.
Строгими я отвечал наставленьями:

«По полю праздно бродить
«Легче, чем с горем, с бедой, с огорченьями
«Жизнь трудовую прожить».

Годы промчались с тех пор вереницею, —
Нам их вернуть не дано!
Поле теперьколосится пшеницею,
Тополь наш срублен давно.

Солнце тебя не пугает горючее,
Ты не устанешь в пути:
Ты терпеливо глубокое, жгучее
Горе умеешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Перед которым давно задрожало бы
Слабое сердце мое.

О, поделись этой волею гордою,
Мужеством этим со мной,
Чтобы пройти я мог поступью твердою
Поприще жизни земной.

Если ж смутят меня мира бездушного
Горе, беда и напасть,
о пристыди ты меня малодушного,
Духом готового пасть.

Павловск.
Сентябрь 1886 г.

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биением.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердую волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловск.
4-го сентября 1886 г.

Когда с зарей над сонною землею
Забрезжит луч небесного огня,
Я начинаю новый день мольбою:
Благослови меня!

Лишь только вечер, тихо догорая,
Подернет сумраком сиянье дня,
Я говорю тебе, о, дорогая:
Благослови меня!

И если знаешь ты, мой ангел милый,
Как дорога молитва мне твоя,
То и всегда, всю жизнь и до могилы
Благословляй меня!

Павловск.
4-го сентября 1886 г.

Садик запущенный, садик заглохший;
Старенький, серенький дом;
Дворик заросший, прудок пересохший;
Ветхие службы кругом.

Несколько шатких ступеней крылечка,
Стекла цветные в дверях;
Лавки вдоль стен, изразцовая печка
В низеньких, темных сенях;

В комнате стулья с обивкой сафьянной,
Образ с лампадой в углу,
Книги на полках, камин, фортепьяно,
Мягкий ковер на полу...

В комнате этой и зиму, и лето
Столько цветов на окне...
Как мне знакомо и мило все это,
Как это дорого мне!

Юные грезы! Счастливые встречи
В поле и в мраке лесном...
Под вечер долгие, тихие речи
Рядом, за чайным столом...

Годы минувшие, лучшие годы,
Чуждые смут и тревог!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголок!

Ныне ж одно только на сердце бремя
Незаменимых потерь...
Где это доброе старое время?
Где это счастье теперь?

Павловск.
13-го сентября 1886 г.

Пронеслись мимолетные грезы!
Беззаботные минули дни!
— Словно осенью листья березы,
Незаметно умчались они.

Все, что горького в прошлом прожито
Наболевшей душою моей,
Хоть на миг было мной позабыто
Среди этих безоблачных дней..

Но конец пышноцветному лету,
Уж грозит нам седая зима,
И на смену и зною, и свету
Наступают и стужа, и тьма.

Принимайся ж опять за работу
И за подвиг берись трудовой:
Будь готов и печаль, и заботу
Снова встретить отважной душой.

Павловск.
2-го октября 1886 г.

РОЗЫ*)

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Нам незнакомы были бури, —
Беспечны были мы с тобой.
Для нас цветы благоухали,
Луна сияла только нам,
Лишь мне с тобою по ночам
Пел соловей свои печали.
— В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!

То время минуло давно...
— Изведав беды и печали,
Мы много скорби повстречали;
Но унывать, мой друг, грешно:
Взгляни, как Божий мир прекрасен;
Небесный свод глубок и чист,
Наш сад так зелен и душист,
И теплый день и тих, и ясен
Пахнул в растворенную дверь;
В цветах росы сияют слезы...
Как хороши теперь,
Как свежи эти розы!

*) Написано к состязанию «Измайловских Досугов» на тему из стихотворений в прозе И. С. Тургенева:
«Как хороши, как свежи были розы».

За все, что выстрадали мы,
Поверь, воздастся нам сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И после сумрачной зимы
Опять в расцветшие долины
Слетит счастливая весна;
Засветит кроткая луна;
Польется рокот соловьиный,
И отдохнем мы от труда,
Вернутся радости и грезы:
Как хороши тогда,
Как свежи будут розы!

Мраморный дворец.
9-го декабря 1886 г.

А. Н. МАЙКОВУ,

в ответ на его письмо с новыми стихотворениями.

Опять твое раздалось пенье,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищеньи
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призыв,
И, словно крылья расправляя,
Вмиг встрепенувшись и ожив,

Душа и просится, и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется,
Туда, откуда манишь ты.

О, пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая
Мог вдохновенье почерпать.

Мраморный дворец.
23-го февраля 1887 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Князю Иоанну Константиновичу.

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку!

В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участья во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время
Час неизбежный пробьет;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
Доброй, простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны!

С верою твердой, слепою
Честно живи ты свой век!
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек!

Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод,
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

Спи же! Еще не настали
Годы смятений и бурь!
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь!...

Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой...
Спи же беспечно и сладко,
Спи, мой сынок дорогой!

Мраморный дворец.
4-го марта 1887 г.

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Жених в полуночи грядет!
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет,
И кто с лампадою возженной
На брачный пир войдет за Ним?
В ком света тьма не поглотила?

О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоской
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока
Возвесть к чертогу Твоему.
Где одеяние возьму?

О, Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду
Во дни святых Твоих Страстей!
Услышь, Господь, мои моленья
И тайной вечери Твоей,
И всечестного омовенья
Прими причастника меня!

Врагам не выдам тайны я,
Воспомянуть не дам Иуду
Тебе в лобзании моем,
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим крестом
Взывать коленопреклоненный:
О, помяни, Творец вселенной,
Меня во царствии Твоем!

Мраморный дворец.
Страстная Среда 1887 г.

А. А. ФЕТУ

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.

И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводною звездою
Сияет вера мне твоя.

А ты, испытанный годами,
Не унывающий боец,
Ты, убеленный сединами,
Венчанный славою певец,

Меня, взрощенного судьбою
В цветах и счастье, и любви,
Своей дряхлеющей рукою
На трудный путь благослови.

Мраморный дворец.
29-го марта 1887 г.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ,

на пятидесятилетие его писательской деятельности.
10-го апреля 1887.

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о, певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру
И стяжал себе славы венец.

В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачуя сердец сокровенные муки,
То веселье и радость лия.

Лишь во имя того, что светло и правдиво
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.

И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя,
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет отчизна тебя.

Мраморный дворец.

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

Измученный в жизни тревоги и зол,
Опять, моя радость, я душу отвел
С тобою:

И на сердце вновь и светло, и тепло,
Как будто бы жаркое солнце взошло
Весною.

Оно растопило и льды, и снега,
И пышно опять запестрели луга
Цветами;

И синие блещут опять небеса,
Крылатыми вновь огласились леса
Певцами...

Спасибо, о, солнце! Спасибо твоим
Лучам светозарным, лучам золотым
И зною!

Тебе ж, моя радость, сказать я пришел
Спасибо за то, что я душу отвел
С тобою!

Павловск.
10-го августа 1887 г.

Озеро светлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Над голубою волной!

О, если б сердце тревожное, бурное
Так же могло быть светло,
Как это озеро в утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафен.
27-го сентября 1887 г.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АНАСТАСИИ МИХАЙЛОВНЕ ВЕЛИКОЙ ГЕРЦОГИНЕ МЕКЛЕНБУРГ-ШВЕРИНСКОЙ

Твоей любуясь красотой
И взором ласково-стыдливым,
Пять светлых дней провел с тобой
Я в упоении счастливом.

Прошли те радостные дни,
Как все проходит в мире этом,
Но верь, не могут быть они
Забыты любящим поэтом.

Твой образ в памяти моей
Запечатлелся так глубоко,
Что — верь мне — после многих дней,
Скитаясь долго и далеко,

Его я вспомню! И опять,
Как звезды неба в мраке ночи,
Твои задумчивые очи
Мне будут издали сиять.

Шверин.
10-го октября 1887 г.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гром затих. Умчались тучи
Бурю ветром унесло;
Снова блещет полдень жгучий,
В небе ясно и светло:

В сад скорее! Потенистей
Мы дорожку изберем;
Зелень здесь еще душистей,
Теплым вспрыснута дождем.

Хорошо нам здесь на воле,
И так дышится легко!
Посмотри, как это поле
Разостлалось широко!

Здесь зеленый всходит колос
Средь раздольной ширины...
Слышишь: жаворонка голос
Льется с синей вышины.

В той дали голубоватой
Ослепленный тонет взор...
Так и тянет нас куда-то
В тот заманчивый простор!

Альтенбург.
16-го октября 1887 г.

КОЛОКОЛА

Несется благовест... — Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт.
20-го октября 1887 г.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ВЕРЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ГЕРЦОГИНЕ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

Ты в жизни скорби и мучений
Не избалована судьбой,
И много бед и огорчений
Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
В надежде, вере и любви
Переносила неизменно
Ты все страдания свои.

Своим безропотным терпеньем
Ты скорбь умела побороть,
Приемля все с благоговеньем,
Что́ посылал тебе Господь.

О, верь: сторицею с годами
Вознаградится этот труд;
Не все ль, кто сеяли слезами,
Святою радостью пожнут?

Штутгарт.
25-го октября 1887 г.

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ А. А. МОЙРА

Одной прекрасною душою
Меж нами менее опять, —
Она рассталася с землею,
Чтобы бессмертие приять.

Она из мира слез и тленья
Переселилася туда,
Где ждет ее упокоенье
От многой скорби и труда.

Но в небесах не позабудет
Она земной юдоли сей:
За нас, горюющих по ней,
Она молитвенницей будет.

Сарагосса.
31-го октября 1887 г.

ВДОВЦУ

А. А. Цицовичу.

Блеск и сиянье сменило ненастье,
Осень сгубила все наши цветы...
Где твое первое, светлое счастье?
Где молодые мечты?

Горе подкралось с той грозною тучей:
Льются дожди, — льются слезы твои;
Их проливаешь струею горючей
Ты о погибшей любви.

Плачь и рыдай, и печалься, и сетуй!
Но да не молвят хулений уста;
С верой из мрака стремися ты к свету,
Бремя подъемля креста.

Минет зима... И цветы, и сиянье
С юной весною увидишь ты вновь:
Верь же в грядущую радость свиданья!
Верь, что воскреснет любовь!

Штадтгаген
(Княжество Шаумбург-Липпе)
23-го ноября 1887 г.

Сперва, обуянный гордыней слепою,
Себя одного лишь любя,
Твоей не пленяясь душевной красою,
Ценить не умел я тебя.

Но гордое сердце смирилося ныне,
Повязка упала с очей,
И набожно я поклоняюсь святыне
Души несравненной твоей.

Лейпциг.
24-го ноября 1887 г.

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета,
Звездой мне служит путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный им обет:
Любовь мне согревает душу,
Она — мне жизнь и свет.

Не зная устали, ни лени,
Отважно к цели я святой
Стремлюсь, чтоб преклонить колени
Пред вечной красотой.

Берлин.
5-го декабря 1887 г.

И. А. ГОНЧАРОВУ

Венчанный славою нетленной,
Бессмертных образов творец!
К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытный певец.

Ты на него взглянул без гнева,
Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.

Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вещал.

И об одном лишь в умиленьи
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье,
Благословляя и любя!

Гатчина.
31-го декабря 1887 г.

Не говори, что к небесам
Твоя молитва недоходна:
Верь, как душистый фимиам,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишних слов; но всей душою
Старайся с верой сознавать,
Что слышит Он, что Он с тобою.

Что для Него слова? О чем,
Счастливый сердцем иль скорбящий,
Ты ни помыслил бы, — о том
Уже ль не ведает Всезрящий?

Любовь к Творцу в душе твоей
Горела б только неизменно,
Как пред иконою священной
Лампады теплится елей.

Мраморный дворец.
25-го января 1888 г.

Прошла зима! Не видно снега,
Запели птицы с высоты...
Что за чарующая нега
Кругом разлита! Это ты,
Весны желанная примета!
Теченьем льдины унесло,
И в этот ясный час рассвета
Благоуханно и тепло!

Весна! В душе стихают бури,
Как в небе тают облака.
Весна! Душа полна лазури,
Как эта тихая река.

Мраморный дворец.
11-го апреля 1888 г.

А. Н. МАЙКОВУ

на пятидесятилетие его писательской деятельности.
30-го апреля 1888 г.

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни ветреной в угоду
Себе, певец, не изменял,
Свою священную свободу
Страстям толпы не подчинял;

Ты пел в течении полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ту песнь, что душу человека
И возвышает, и живит.

О, если б струны эти пели
Нам долго, долго твой завет,
Как несравненной должен цели
Быть верен истинный поэт!

Мраморный дворец.

Меня бранят, когда жалею
Я причиняющих печаль
Мне бессердечностью своею;
Меня бранят, когда мне жаль
Того, кто в слабости невольной
Иль в заблужденьи согрешит...
Хоть и обидно мне, и больно,
Но пусть никто не говорит,
Что семя доброе бессильно
Взойти добром; что только зло
На ниве жатвою обильной
Нам в назидание взошло.

Больней внимать таким сужденьям,
Чем грусть и скорбь сносить от тех
Кому мгновенным увлеченьем
Случится впасть в ничтожный грех.
Не все ль виновны мы во многом,
Не все ли братья о Христе?
Не все ли грешны перед Богом,
За нас распятым на кресте?

Мраморный дворец.
1-го мая 1888 г.

ПОЭТУ*)

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
Пушкин.

Пусть гордый ум вещает миру,
Что все незримое — лишь сон,
Пусть знанье молится кумиру
И лишь науки чтит закон.

Но ты, поэт, верь в жизнь иную:
Тебе небес открыта дверь;
Верь в силу творчества живую,
Во все несбыточное верь!

Лишь тем, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тем, что светит правдой вечной,
Певец, пленяться должен ты.

Любовь — твое да будет знанье:
Проникнись ей, и песнь твоя
В себе включит и все страданье,
И все блаженство бытия.

Мраморный дворец.
5-го мая 1888 г.

*) Написано к состязанию «Измайловских Досугов».

СИРЕНЬ

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манит кистями:
О, выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будем глазами.

Смотри: гнутся ветви все в пышном цвету, —
Как обильны они и пушисты!
Не долго глядеть нам на их красоту
И вдыхать этот запах душистый.

Весна промелькнет словно шаткая тень,
Как во сне пронесется крылатом...
Скорей! Наглядимся ж на эту сирень
И упьемся ее ароматом.

Красное Село.
6-го июня 1888 г.

Вчера соловьи голосистые
Запели порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во сне меж собой.

С зарею встречаясь малиновой,
Другая заря занялась...
С тобою за рощей осиновой
В полночный мы встретились час.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я сладкой объятый истомою
Не мог любоваться тобой.

Любуясь той ночью единою,
Я молча и млел, и дрожал;
За песнью следя соловьиною,
Я то́полей запах вдыхал.

О, вешняяночь благовонная!
Я понял волшебный твой свет:
Земля, в это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвет.

Красное Село.
8-го июня 1888 г.

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ

На балконе, цветущей весною,
Как запели в садах соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя в кроткие очи твои.

Тихий голос в ушах раздавался,
Но твоих я не слушал речей:
Я как будто мечтой погружался
В глубину этих мягких очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живет в задушевных мечтах,
Все сказалось так просто и ясно
Мне в чарующих этих очах.

Не могли бы их тайного смысла
Никакие слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Светозарная, вешняя ночь!

Красное Село.
15-го июня 1888 г.

ГЕКЗАМЕТРЫ

I.

Любо глядеть на тебя, черноокий приветливый отрок,
В ясное утро, когда ты диском играешь блестящим.
Спину согнув, опершись в колено левой рукою,
Правою ловко ты круг увесистый бросишь далеко.
Если ж никто с тобой не сравнится в уменьи, и диск твой,
С медным звоном в плиту ударясь, всех мимо промчится, —
Стройно ты выпрямишь стан, задорно голову вскинешь,
Кудри встряхнешь и таким заразительным смехом зальешься;
В душу твой просится смех, и думаю я в восхищеньи:
Как хороша ты, о, жизнь! О, юность, как ты прекрасна!

Петергоф.
20-го июня 1888 г.

II.

Счастье ж твоим голубям! Ты снова в дверях показалась
С пестрой корзиной в руках, зерном наполненной крупным.
Все встрепенулись они, все вдруг над тобой закружились,
Близко уселись к тебе и, нежно ласкаясь, воркуют.
Голуби всюду: в самой корзине над лакомым кормом,
Те на плечах у тебя доверчиво так приютились,
Эти у ног и клюют на пороге упавшие зерна.
О, не спешите вспорхнуть! Побудьте здесь, кроткие птицы!
Дайте завидовать мне вашей близости к деве прекрасной,
Дайте хоть издали мне на нее любоваться подоле.

Красное Село.
22-го июня 1888 г.

III.

Завтра вот эти стихи тебе показать принесу я.
Сядем мы рядом; опять разовью заветный я свиток;
Голову нежно ко мне на плечо ты снова приклонишь,
Почерк затейливый мой на свитке с трудом разбирая.
С робостью тайной в душе и трепетом сладким объятый,
Взора не смея поднять на тебя, притаивши дыханье,
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что в этих стихах ты осудишь, и все, что похвалишь.
Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звук оттенит, невольное выдаст движенье.
Если же все до конца дочитаешь ты без запинки,
В очи тебе загляну я и в них приговор прочитаю.
Ласковой, ясной меня озаришь ты, быть может, улыбкой...
Мне ль благодарным не быть вдохновенью за эту улыбку!
О, если б только оно меня осеняло почаще!

Красное Село.
26-го июня 1888 г.

В ДОЖДЬ

Великому Князю
Сергею Александровичу

Дождь по листам шелестит,
Зноем томящийся сад
Жажду теперь утолит;
Слаще цветов аромат.

Друг, не страшись. Погляди:
Гроз не боятся цветы,
Чуя, как эти дожди
Нужны для их красоты.

С ними и я не боюсь:
Радость мы встретим опять...
Можно ль наш тесный союз
Жизненным грозам порвать?

Счастье не полно без слез;
Небо синей из-за туч, —
Лишь бы блистал среди гроз
Солнышка радостный луч.

Красное Село.
4-го июля 1888 г.

ЛЕТОМ

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садов
Уж не качались опахала
Благоухающих цветов.

По длинным жердям хмель зеленый
Вился высокою стеной,
И рдели пышные пионы,
Нагнувшись низко над травой.

Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И словно очи голубые
Во ржи синели васильки.

Мы дождались средины лета,
Но вешних дней мне было жаль,
И с этой радостью расцвета
Прокралась в душу мне печаль.

Лишиться вновь мне страшно стало
Всего, чем жизнь так хороша,
Чего так долго сердце ждало,
Чего так жаждала душа!

Красное Село.
14-го июля 1888 г.

О, не гляди мне в глаза так пытливо!
Друг, не заглядывай в душу мою,
Силясь постигнуть все то, что ревниво,
Робко и бережно в ней я таю.

Есть непонятные чувства: словами
Выразить их не сумел бы язык;
Только и властны они так над нами
Тем, что их тайну никто не постиг.

О, не гневись же, когда пред тобою
Очи потупив, уста я сомкну:
Прячет и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село.
17-го июля 1888 г.

ПРИНЦУ
ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ

Говорят мне: «Собою владеть ты умей,
«Научиться пора хладнокровью;
«Надо сдержанней быть; ты не мало людей
«Необдуманной сгубишь любовью...»

Но любовь удержать разве властна душа,
Как добычу орел в сильных лапах?
Нет, цветам, благовоньем весенним дыша,
Не сдержать упоительный запах!

Коль любить, так безумствуя в страсти слепой,
В этом бреде бессилен рассудок...
Знать ли солнцу, что им с вышины голубой
Спалена красота незабудок?

Красное Село.
19-го июля 1888 г.

В НОЧИ

I.

ЗВЕЗДЫ

Истомленные дня суетою безумной
К вам, о, светочи неба, подъемлем мы очи:
Здесь внизу на земле и тревожно, и шумно, —
Безмятежно и тихо в безмолвии ночи.

Как вы кротко царите в торжественном блеске,
Бестелесною вечно сияя красою!
Наша ложь, наша злоба в неистовом плеске
Никогда не коснутся вас мутной волною.

И чем выше вы, звезды, чем вы недоступней,
Тем плененным следить вас отраднее взором;
Чем мрачней, чем ничтожнее мы и преступней,
Тем светлей вы и чище огнистым узором.

Павловск.
15-го августа 1888 г.

II.

МЕСЯЦ

Пусть мрачна наша ночь, пусть темно в дольнем мире,
Унывать ли, когда мы полны упованья,
Что всплывет величаво в лазурном эфире
Светлый месяц в чарующей славе сиянья.

Лишь прольет он лучи, в этот миг просветленья
Все стихает, что мучит, гнетет и тревожит,
И душа, разгораясь, полна умиленья,
И мятежное сердце томиться не может.

О, свети же нам, месяц, небесным приветом,
Чтобы чаще к тебе поднималися очи!
Жизнь яснее, твоим осиянная светом,
Хоть и мрачен наш мир, хоть темны наши ночи...

Павловск.
9-го сентября 1888 г.

В АЛЬБОМ

Королеве Эллинов Ольге Константиновне.

Что тебе на прощанье скажу я?
Пред разлукой немеет язык,
И безмолвный, грустя и тоскуя,
Я опять головою поник.

Но, как темная ночь, минет горе,
Надо ж радости солнцу блеснуть!
Не прощаемся ль мы, чтобы вскоре
Повстречаться опять где-нибудь?

Провожая тебя, в час прощанья
Я промолвлю лишь слово одно:
Это слово мое: до свиданья!
Нас обоих утешит оно.

Павловск.
24-ое сентября 1888 г.

ЖЕНИХУ

На помолвку Великого Князя
Павла Александровича.

Ты томился всю ночь до рассвета,
Погруженный в тревожные сны;
Долго, долго прождал ты расцвета
И улыбки душистой весны.

Но настал этот день светозарный
Солнце счастья взошло над тобой,
И за яркость весны благодарный
Просиял ты расцветшей душой.

Весь в лучах, в этот миг просветленья,
В ослепительном блеске зари
Ту, чья жизнь лишь твоей отраженье,
Ты любовью своей озари.

Чтоб на ней все яснее и жарче
Разгорался твой радостный свет,
Чтоб любви все пышнее и ярче
Распускался пленительный цвет!

Мраморный дворец.
30-го октября 1888 г.

А. А. ФЕТУ

на пятидесятилетие его писательской деятельности.
28-го января 1889.

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты в душевной глубине:
Не выразить словами их значенья,
Неведомы, таятся в нас оне.

Ты понял их: ты вылил в песнопенья
Те звуки, что в безгласной тишине
Пленяют нас, те смутные виденья,
Что грезятся лишь в мимолетном сне.

Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.

И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

Петербург.
25-го января 1889 г.

В АЛЬБОМ

Графине М. Н. Граббе.

Все, что взору дорого и мило —
Тень дубрав, ручьи, цветы лугов,
Все, зима, поблекло и застыло
Подо льдом твоих оков.

Стаи птиц в края тепла и света
Унеслись крылатою толпой;
Вдохновенье чуткое поэта
Увлекли они с собой.

Стаял снег; зимы умолкла вьюга;
Зацветет как прежде Божий сад:
Уж бегут ручьи, на север с юга
Птицы вешние летят;

Все звучнее слышатся, все ближе
Голоса их, — снова я пою,
Вдохновенья полный... О, прими же
Песню первую мою!

Петербург.
6-го апреля 1889 г.

Не много дней осталося цвести
Красе роскошной Божья сада:
Уж кроткое мне слышится «прости»
В печальном шуме листопада.

И тем спешит налюбоваться взор,
Чего не погубила осень:
Она сорвет с земли ее убор,
Щадя лишь хвои мрачных сосен.

О, солнце, грей! Благоухайте ж мне,
Весной взлелеянные розы!
Лишь бы пронесть хоть память о весне
Сквозь ночь и стужу зимней грезы!

Павловск.
1-го сентября 1889 г.

Улыбкою утра пригретые снова,
В лесную мы прячемся тень.
Казалось, зима разлучить нас готова, —
Вдруг теплый один еще день.

Осенней красою любуются взоры,
И радость в душе, и печаль:
Нас радужно-пестрые тешат узоры,
И листьев опавших нам жаль.

И сердце о крае незримом мечтает,
Где вечер не ведает тьмы,
Где осени губящей лето не знает,
И где не расстанемся мы.

Павловск.
21-го сентября 1889 г.

У ОЗЕРА

М. Д. Давыдову.

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волненья,
У озера в лесу ищу уединенья.
Не налюбуешься прозрачной гладью вод:
В ней словно тайная есть сила притяженья.
Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленною красою —
И звезд полуночных лучистый хоровод,
И утро ясное румяною зарею,
И светлых облаков воздушная семья?
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землею,
К далеким небесам как будто ближе я?

Близ станции Белой.
5-го октября 1889 г.

Любовью ль сердце разгорится, —
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится
Как светом солнца яркость дня?
Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотой душевных сил,
Хотя б любовию ответной
Тебе никто не отплатил.
Пусть говорят: как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь, —
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,
Угаснет в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возженный,
Пребудет в вечности веков.

Павловск.
10-го октября 1889 г.

ЕЛИ

Когда листы, поблекнув, облетели,
И сном зимы забылось все в лесу,
Одни лишь вы, задумчивые ели,
Храните прежнюю красу.

И словно шепчете вы с тихой грустью:
«Спи, темный лес! Уснуло все кругом;
«Струи ручьев, в живом стремленьи к устью,
«Застыли, скованные льдом;

«Мороз дохнул; метель спугнула стаю
«Жильцов твоих осиротелых гнезд,
«И песнь ее к иному рвется краю,
«Где ярче блеск полночных звезд;

«Охваченный дремотой непробудной,
«Ты изнемог под саваном зимы...
«Нам не вздремнуть: одеждой изумрудной
«Всегда равно пленяем мы.

«Но минут дни, и сон стряхнувши зимний,
«Ты зацветешь, взломают лед ручьи,
«И прилетят под кров гостеприимный
«Певцы крылатые твои.

«Пускай тогда ты юною красою
«Затмишь, о, лес, печальный наш наряд:
«Твоих ветвей объятья нас от зною
«Листвой душистой защитят».

Павловск.
21-го октября 1889 г.

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

О, люди, вы часто меня язвили так больно
Слезы не редко мои с досады текли,
И все-таки вас люблю я невольно,
О, бедные дети земли!

Виновники скорби своей, творите вы злое,
Множа печаль на земле неправдой своей,
Но, если поздней скорбите вы вдвое,
Мне жаль вас, как малых детей.

И как от души не простить задора ребенка,
Коль не под силу ему свой гнев затаить?
Хоть больно его колотит рученка
Но можно ль дитя не любить!

Павловск.
24-го октября 1889 г.

Красу земли сгубил жестокий
К зиме от лета переход,
И полн лишь неба свод глубокий
Неувядаемых красот.

Грустят цветы в саду печальном,
Им ароматом не дохнуть;
Но взор поднимешь, в небе дальном
Все так же ярок млечный путь.

Здесь все так тускло и ненастно,
Лесов осыпался наряд,
А звезды неба так же ясно
В лучах немеркнущих горят.

Пусть влажной мглой и туч клубами
Лазурь небес заволокло:
Мы знаем, там, за облаками,
Всегда и пышно, и светло!

Павловск.
27-го октября 1889 г.

Как пленительно-тихо в отцветших полях!
Наша осень полна обаянья:
Сколько прелести в грустных, безжизненных днях
Этой кроткой поры увяданья!

Воздух влажен и свеж, облетают листы,
Тучи кроют лазурь небосвода,
Безответно, безропотно блекнут цветы,
И покорно зимы ждет природа.

Не блаженство ли этой внимать тишине,
Где пред смертью покорность такая?
Так же мирно на веки уснуть бы и мне,
Без напрасной борьбы угасая!

Павловск.
30-го октября 1889 г.

В ДЕТСКОЙ

Князю Гавриилу Константиновичу.

Крошка, слезы твои так и льются ручьем
И прозрачным сверкают в глазах жемчугом.
Верно, няня тебя в сад гулять не ведет?
Погляди-ка в окно: видишь, дождик идет.
Как и ты, словно плачет развесистый сад,
Изумрудные капли на листьях дрожат.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь:
Ты головку закинь: я и в шейку, и в грудь
Зацелую тебя. Слезы в глазках твоих
Голубых не успеют и высохнуть, в них
Уж веселье блеснет; в пухлых щечках опять
Будут взор мой две мягкие ямки пленять;
И зальешься ты хохотом звонким таким,
Что и сам небосвод синим оком своим
Засияет тебе из-за сумрачных туч,
И сквозь капли дождя брызнет солнышка луч.

Павловск.
4-го ноября 1889 г.

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ

на пятидесятилетие его музыкальной деятельности.

Игры упоительной звуки текли.
Мы в нежном восторге внимали.
Все радости неба, все горе земли
Те звуки в себе отражали.

Пленять нас и трогать им было дано:
Пред ними стихали сомненья,
И было так много обид прощено,
И пролито слез умиленья!

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Павловск.
17-го ноября 1889 г.

Опять томит очарованьем
Благоуханная весна,
Опять черемухи дыханьем
Ее краса напоена.
Нежно-зеленою, сквозистой
Оделись дымкою леса,
Струей повеяло душистой,
Лаская, греют небеса.
Мне запах милый и знакомый
Былое в сердце воскресил:
Объятый тайною истомой,
Прилив учуя свежих сил,
Дышу черемухи дыханьем,
Внимаю жадно соловью,
Весь отдаюсь весны лобзаньям
И — очарованный — пою.

Гатчина.
4-го мая 1890 г.

ИМАТРА

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.

На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно за раз:
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.

И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуя,
Кипят в вековечной борьбе.

10-го мая 1890 г.

Улыбка радостная Мая
И первой ласточки прилет!
Земля цветет, благоухая,
И соловей в саду поет.

Его певучей внемля сказке,
Я в ночь гляжу — не нагляжусь
И словно материнской ласке,
Как нежный сын, ей отдаюсь.

Заря не меркнет. Небосвода
Неугасима глубина.
Благодарю, о, мать-природа!
Как хороша твоя весна!

Павловск.
18-го июня 1890 г.

В РАЗЛУКЕ

Великой Княгине Елисавете Маврикиевне.

В тени дубов приветливой семьею
Вновь собрались за чайным мы столом.
Над чашками прозрачною струею
Душистый пар нас обдавал теплом.

Все было здесь знакомо и привычно,
Кругом все те же милые черты.
Казалось мне: походкою обычной
Вот-вот войдешь и сядешь с нами ты.

Но вспомнил я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься к нам
Подругою моей голубоокой
За чайный стол к развесистым дубам!

Павловск.
29-го июня 1890 г.

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

I.

И. А. Зеленому.

Здесь не видно цветов, темный лес поредел,
Словно чарам земли здесь положен предел.
Над пустынной, песчаною гранью
Отдаешься здесь волн обаянью.

Глубь небесная, моря безбрежная даль, —
Разве может ничтожная сердца печаль
Обладать просветленной душою
Пред могучею ширью такою?

Сладко взором тонуть в глубине голубой,
Вольно дышится, мир забываешь земной,
Исчезает мгновенное горе,
Как та чайка в лазурном просторе.

Усть-Нарова.
25-го августа 1890 г.

II.

Барону К. Н. Корфу.

Не вчера ли, о, море, вечерней порой
К берегам ты ласкалось лукавой волной?
В алом блеске зари не вчера ли
Небеса голубые сияли?

А сегодня косматой грядою валы,
В грозном беге крутясь у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступ могучий,
Обгоняя свинцовые тучи.

В битве жизни не так ли и ты, человек,
Терпишь зол и гонений мятежный набег?
Но не вечны страданья и беды:
Ты дождешься над ними победы.

Верь, улягутся волны и завтра опять
Будут берег любовно и нежно ласкать,
Просветлеют небесные дали,
И рассеются сердца печали.

Вайвара.
28-го августа 1890 г.

БУДДА

Годы долгие в молитве
На скале проводит он.
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Выше туч святому старцу
И отрадней, и вольней:
Там к Создателю он ближе,
Там он дале от людей.

А внизу необозримо
Гладь безбрежная кругом
Разлилась и тихо дышит
На просторе голубом;
Солнце ходит, месяц светит,
Звезды блещут; вкруг скалы
Реют мощными крылами
Над пучиною орлы;

Но красою Божья мира
Муж святой не восхищен:
К небесам воздеты руки,
Взор в пространство устремлен.
Он не слышит, как порою
Грозно воет ураган,
Как внизу грохочут громы,
И бушует океан.

Неподвижный, цепенея
В созерцаньи Божества,
Над измученною плотью
Духа ждет он торжества,
Ждет безмолвия Нирваны
И забвения всего,
В чем отрада человека
И страдание его.

С той поры, когда свой подвиг
Стал свершать он, каждый год,
Как шумел крылами в небе
Первых ласточек прилет,
Пташка старцу щебетала,
Что опять весна пришла,
И гнездо в иссохшей длани
Безбоязненно вила.

И в руке его простертой,
Средь заоблачных высот,
Много птенчиков крылатых
Выводилось каждый год.
И уж праведнику мнилось,
Что на веки стал он чужд
Упований и желаний,
И земных страстей, и нужд.

Что же ласточек все ждет он
С нетерпеньем из-за гор?
Разве снег еще не стаял?
Разве года нет с тех пор,
Как последние вспорхнули
И, простясь с родным гнездом,
Белогрудые, в тумане
Потонули голубом?

И о них воспоминанья
Отогнать не может он.
Для того ль он мир покинул,

Звал забвенья вечный сон,
Заглушал борьбою с плотью
Всякий помысел земной,
Чтобы пташки мимолетной
Ждать с ребяческой тоской?

Иль не все еще живое
Страшный подвиг в нем убил?
Или тщетно истязанье?
Или... Чу! не шум ли крыл?
Он глядит: в лучах восхода
Мчится с дальней стороны
Стая ласточек, — все ближе
Провозвестницы весны.

Ближе!... Но к нему не вьется
Ни единая из них...
Стая, мимо уплывая,
Тонет в безднах голубых...
И у праведника, руки
Простирающего к ней,
Слезы градом полилися
Из померкнувших очей.

Гатчина.
8-го декабря 1891 г.

ГРАФУ П. Д. БУТУРЛИНУ

в ответ на его «Двадцать сонетов».

Когда певучие твои звучат сонеты,
Мне мнится, что на миг взвились края завес,
Сокрывших славный век художества чудес,
Любовью к вечному, к прекрасному согретый.

О, как далек тот век! И где его поэты?
Где незабвенные избранники небес?
Не их ли дух, певец, в твоем стихе воскрес
За то, что набожно ты их хранишь заветы?

Не изменяй же им! Верь в светлый идеал,
Что, как звезда, тебе путь жизни осиял,
Звезда, какой была Лаура для Петрарки!

Люби, как он любил; как он, пой до конца,
Чтоб звучный, словно гром и словно молнья яркий
Твой стих восторгами воспламенил сердца!

Контрексевиль.
18-го мая 1892 г.

О, как люблю я этот сад тенистый!
Со мною здесь лишь птицы да цветы.
Беспечно я вдыхаю воздух чистый
Здесь, вдалеке от светской суеты.

Как я им рад, певцам крылатым неба,
Когда, слетясь доверчивой семьей,
Клюют они порхая крошки хлеба,
Что любящей им сыплю я рукой!

А вы, питомцы северного лета, —
Цветы мои, — я каждого из вас,
Лишь расцветет, улыбкою привета
Люблю встречать, счастливый всякий раз.

О, милый сад, приют отдохновенья,
Приветливой и мирной простоты!
Ты мне даришь часы уединенья, —
Со мною здесь лишь птицы да цветы.

Красное Село.
19-го июня 1893 г.

У МОРЯ В ГЕНУЕ

I.

Пред этой ширью необъятной,
О, как душа восхищена!
Она и грусти непонятной,
И тихой радости полна.

О, слово немощное наше,
Как бедно ты! И тем бедней,
Чем Божий мир пред нами краше,
И чем мы чувствуем живей.

В тоске, в томлении бессилья
Пред несказàнной красотой
Хотелось бы расправить крылья
И утонуть в лазури той.

30-го сентября 1895 г.

II.

Что́ за краса! Что за простор!
Нет, море, ты — невыразимо!
Плененный утопает взор
В лазури вод необозримой.
Гляжу — не нагляжусь... Твой вид
Захватывает дух невольно:
Душа и рвется, и горит,
Ей как-то сладостно и больно.
О, если б можно было ей
Умчаться птицею морскою
От скал прибрежных и камней
И слиться с далью голубою, —
Стряхнув и прах, и тлен земли,
И жизни бремя, без усилья
Она расправила бы крылья
И утонула в той дали!

1-го октября 1895 г.

ПРИНЦЕССЕ ЕВГЕНИИ МАКСИМИЛИАНОВНЕ ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ

Мне бессильным не выразить словом,
Как у вас отдыхает душа,
Как под вашим приветливо кровом,
И как ваша Рамонь хороша!

Хороша́ она далью лесною
И дворцом над обрывом крутым,
Хороша тихоструйной рекою
И привольным простором степным.

Но милее и лучше, и краше
Гор, оврагов, озер и полей
Дорогое радушие ваше
С простотой деревенской своей.

Киев.
12-го сентября 1896 г.

Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина,
Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят
И, последние дни доживая,
Сохраняют зеленый наряд.

И, пока не навеяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любуемся мы.

Но промчалося лето с весною,
Вот и осени дни сочтены...
Ах, уж скоро мы с этой красою
Распростимся до новой весны!

Павловск.
Осенью 1897 г.

Багряный клен, лиловый вяз,
И золотистая береза...
Как больно в сердце отдалась
Мне красок осени угроза!

Природы радужный наряд
И блеск, и роскошь увяданья
С покорной грустью говорят,
Что уж близка пора прощанья,

Прощанья с летом и теплом,
И липы блеклыми листами,
Что, золотым опав дождем,
Шуршат в аллее под ногами,

И с вашей яркою красой,
Береза, клен и вяз лиловый,
До дней, когда вы жизни новой
Дождетесь новою весной.

Павловск.
23-го сентября 1898 г.

КАНТАТА НА СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Мы многолюдною толпою
Сошлися здесь на торжество
Единодушною семьею
Сегодня чествовать того,
Кто в этот день веселый мая
Тому назад уже сто лет,
Невинной прелестью пленяя,
Узрел впервые Божий свет.

У этой тихой колыбели
Кто угадать бы мог вперед,
К какой высокой, славной цели
Судьба младенца поведет?
Дитя крылами осеняя,
Быть может, ангел напевал
Ему святые песни рая
И грезы неба навевал.
Миров надзвездных откровеньям
Немолчно вторил мир земной,
И все дышало восхищеньем,
Завороженное весной.
Дитя воспели щебетаньем
Птиц перелетных голоса
И воды вешние— журчаньем,
И листьев шелестом — леса.
То пенье смутно раздавалось
В душе младенца как во сне:
В ней словно таинство свершалось,
И зрели песни в тишине.

Прошли младенческие годы.
Клад этих звуков, этих грез
Сквозь жизни бури и невзгоды
Певец в душе своей пронес.
Его уж нет, — но дивных песней
Не позабыть сердцам людей:
Они звучат им все прелестней
И все их трогают живей.

От забот земли унылой,
От тревог и суеты
Нас неведомою силой
В вихре песен уносило
В неземные высоты:
Сколько радостных мгновений
Подарил ты нам, поэт!
Сколько чистых наслаждений,
Сколько радужных видений
И какой небесный свет
Сладкозвучным роем песен
Пролил ты в сердца людей!
Как могуч, как бестелесен,
Как божественно чудесен
Мир поэзии твоей!
Вечно, славный без сравненья,
В сердце нашем ты живи!
И тебе мы в умиленьи
Платим дань благодаренья,
Дань восторга и любви.

Мраморный дворец.
14-го февраля 1899 г.

КНЯГИНЕ С. Н. ГОЛИЦИНОЙ

Родного севера картина:
Полей зеленых предо мной
Необозримая равнина
И церковь Божья над рекой.

Кругом, что ни обнимут взоры,
Жилья далеко не видать;
Луга, овраги, лес да горы,
Простор, раздолье, — благодать!

Как веют на сердце целебно
И этот мир, и тишина!
И песнью радостно хвалебной
Опять душа моя полна.

Стрельна.
25-го мая 1899 г.

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Красное Село.
10-го июня 1899 г.

У МОРЯ В АНТИВАРИ

В ночи́ залив уснул глубо́ко,
Над ним безмолвие и мрак;
Лишь как недремлющее око,
Далекий светится маяк.

Морского лона не колышит
Дыханье неба. Тишина.
Лишь у прибрежья ровно дышит
И с ночью шепчется волна.

Забудь смятенье жизни трудной,
Глаза усталые закрой,
Усни до утра непробудно
И обрети душе покой!

12-го июля 1899 г.

ЧЕРНОГОРИЯ

Посвящается Князю Николаю I.

О, Черногория! Чьи взоры
Не очаруют, не пленят
Твои заоблачные горы
И бездны пропастей? Чей взгляд
Не залюбуется красою
Сынов воинственных твоих,
Лиц загорелых прямотою
И одеяньем дней былых?
Вы, откровенные улыбки
И чернота правдивых глаз,
И стан осанистый и гибкий,
Кто не засмотрится на вас?
Какая стройность, что за плечи!
Как поступь гордая легка!
Как русский слух ласкают речи
Полуродного языка!
О, Черногория! Невольно
Благоговеешь пред тобой,
И сердцу сладостно и больно
С твоей знакомиться судьбой.
Со дня, как средь Коссóва поля
В честном бою схоронена
Славян утраченная воля,
Три целых века ты одна
Блюла на изумленье света
Свободу родины своей;

Противу полчищ Магомета
Держалась горсть богатырей.
Дож и Калиф забыли споры;
Сковав кольцо несметных сил,
Они твои сдавили горы;
Тебе конец уж приходил.
Венецианский Лев лукавый
Занес уж лапу над тобой,
Тебе готовил пир кровавый
Стамбул, увенчанный луной.
Но мощною тебя десницей
Великий Петр оборонил
И царственною багряницей
От злых насильников прикрыл.
Шли годы... Как в былое время
За волю билося с Чалмой
Юнаков доблестное племя...
И пал над бездною морской
Крылатый Лев святого Марка.
Уж твой, казалось, к морю путь
И свежесть волн лазури яркой
Вдохнет израненная грудь.
В ту пору чуждые народы
Русь избавляла от цепей,
Мы блага мира и свободы
Им расточали все щедрей;
И только братьи соплеменной
Единородная страна
Державе алчной и надменной
В угоду нами ж отдана...
Где кровь твоя лилась ручьями,
В сердца твоих прибрежных сел
Вцепился жадными когтями
Двуглавый Австрии Орел...

. . . . . .

Но близок день освобожденья:
Сознав грехи былых годов,
Их промахи, их заблужденья,

Мы сбросим гнет твоих оков.
Недаром с высоты Престола
Был голос Белого Царя,
И грому вещего глагола
Внимали суша и моря.
Недаром голос Государя
Вещал грядущему в завет,
Что черногорцев Господаря
У нас вернее друга нет.
Свети же нам во мрак сознанья
Все ярче, царственный глагол.
Лишь на вершинах гор сиянье,
Еще во тьме глубокий дол.
О, запылай и над равниной
Объединения заря!
Славянство, слейся воедино,
Любовью братскою горя!

Цетинье-Петербург.
23-го июля 1899 г.

В ГОРАХ ГАСТЕЙНА

Главой венча́нною снегами
Как высоко, громада гор,
Ты вознеслася над долами
В недосягаемый простор!

Что перед мощью горделивой
Твердыни царственной твоей
В борьбе тревожно суетливой
Заботы жалкие людей?

Душой из дольнего я мира
Стремлюся в эти высоты,
Обитель отдыха и мира,
Приют нетленной чистоты.

Берлин.
12-го июля 1900 г.

СОНЕТ

Фельдмаршалу Князю Александру Васильевичу Суворову.

Не только тем велик и дорог он,
Что бранной славой жизнь его богата,
И что нигде он не был побежден
Нет: верой в родину была объята

Его душа; той верою силен
Он полюбить умел меньшого брата,
И светлый образ русского солдата,
Наш чудо-богатырь в нем воплощен.

Молитвою готовился он к бою
И, глазомер венчая быстротою
И натиском, врага шел поражать.

Сразив, его щадил он милосердно:
Вот отчего Россия чтит усердно
Создателя Науки побеждать.

Мраморный дворец.
23-го декабря 1900 г.

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты нивы.
Роняя листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.

В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
— Зима, зима ползет неслышно! —

Как знать. Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою;

И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой!

Козельский уезд.
1-го октября 1901 г.

ВЕСНОЙ

Д. А. Муринову.

Вешние воды бегут... Засиневшее
Небо пригрело поля.
Зимнее горе, давно наболевшее,
Выплакать хочет земля.

Зори полночные, негою томною
Млея, гоните вы прочь
Тысячезвездную, холодно-темную,
Долгую зимнюю ночь.

Ласточки, жаждой свиданья влекомые,
Милые дети весны,
Нам вы, вернувшися в гнезда знакомые,
Счастья навеете сны.

Яблоня, снег отряхнув, белоснежною
Ризой цветов убрана;
О, как пленительна свежестью нежною,
Как благовонна она!

Грей ты нас, солнце; сияй ослепительно
Стуже на смену и тьме;
Дай насладиться весной упоительной,
Дай позабыть о зиме.

Мраморный дворец.
4-го мая 1902 г.

У ВЗМОРЬЯ

Ты безмолвно, затихшее море,
Ты безбрежен, привольный простор.
Как от шумного, тесного света
Здесь и слух отдыхает, и взор!

Но надолго ли это затишье,
И всегда ли ясна эта даль?
Как и в сердце, живут, чередуясь,
В мире радость и злая печаль.

Миг — и море взревет, даль померкнет,
Волны яростно ринутся в бой,
И под черною тучей белея
Крылья чайки заспорят с грозой.

Ты не та же ли чайка, о сердце?
Долго ль тишью пленяться тебе?
Грянет гром, разбушуется буря —
Будь готово к отважной борьбе.

Стрельна.
19-го июня 1902 г.

Бывают светлые мгновенья:
Земля так несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу миров благоуханье
Несет цветок, и птица песнь дарит:
Создателя Его созданье
Благодарит.

О, если б воедино слиться
С цветком и птицею, и всей землей,
И с ними, как они, молиться
Одной мольбой;

Без слов, без думы, без прошенья
В восторге трепетном душой гореть
И в жизнерадостном забвенье
Благоговеть!

Стрельна.
2-го июля 1902 г.

ПОЭТУ

Служа поэзии святой,
Благоговейно чти искусство;
Ему отдайся всей душой,
Дари ему и ум, и чувство.

Будь верен долгу своему
И, гордый званием поэта,
Преследуй песнью ложь и тьму
Во имя истины и света.

На лад возвышенный настрой
Свою божественную лиру,
О небесах немолчно пой
Их забывающему миру.

Во зле лежит он искони,
Но люди жаждут обновленья —
К добру и правде их мани
Могучей силой песнопенья.

Пой о любви толпе людской,
Пой величаво, вдохновенно,
Священнодействуя смиренно,
Перед поэзией святой.

Мраморный дворец.
12-го января 1904 г.

Угасло дитя наше бедное
В расцвете младенческих дней;
Все грезится личико бледное
Мне милой малютки моей.

Черты ее детски прекрасные
Не детскую думу таят,
А светлые, чистые, ясные
Смежилися очи; их взгляд

Со строгостью, с грустью блаженною
Как будто во внутрь устремлен,
Лазурь созерцая нетленную
И ангельских сил легион.

Над гробом малютки склоненные,
На милые глядя черты,
Горюем мы, тайной плененные
Небесной ее красоты;

И плачем, бояся рыданьями
Смутить этот сон гробовой
Стяжавшей земными страданьями
Бессмертия вечный покой.

Павловск.
10-го марта 1906 г.

ЗИМОЙ

О, тишина
Глуши безмолвной, безмятежной!
О, белизна
Лугов под пеленою снежной!

О, чистота
Прозрачных струй обледенелых!
О, красота
Рощ и лесов заиндевелых!

Как хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Как спят сугробы, пруд, береза...

Сумей понять
Природы строгое бесстрастье:
В нем — благодать,
Земное истинное счастье.

Светлей снегов
Твои да будут сновиденья
И чище льдов
Порывы сердца и стремленья.

У ней учись
У зимней скудости прелестной
И облекись
Красою духа бестелесной.

Павловск.
18-го марта 1906 г.

К КОНЦУ ЗИМЫ

Чем солнце зимнее теплее,
Тем ослепительней снега;
А нагота ветвей в аллее
Все так же мертвенно строга.

Хоть не сдают еще морозы —
Но жизни чуется прилив,
И светлые роятся грезы,
Печаль унылую сменив.

На зло зиме, где в полдень жарче,
Уж тает ледяной наряд,
И капли с крыш алмазов ярче
Слезами счастия горят.

Уже не хохлится сонливо
Семья домашних голубей
И суетится хлопотливо,
Купаясь в золоте лучей.

Царица Ночь изнемогает,
Дню покоряясь, как царю,
А он все шире раздвигает
Утра и вечера зарю.

И крыльев плеск, и воркованье,
И жизнерадостные сны,
И всепобедное сиянье —
Все веет близостью весны.

Павловск.
31-го марта 1906 г.

М. И. ГЛИНКЕ

Твои нам песни дороги и милы; 19
Сильна их власть над русскою душой.
Высок и чист их величавый строй
То радостный, то ласково-унылый.

Твой голос нам из сумрака могилы
Звучит доныне ясный и живой:
Он нам поет, как шел на смертный бой
Руслан вослед утраченной Людмилы;

Как принял смерть Сусанин от врагов,
Жизнь за Царя бесстрашно отдавая
В немой глуши средь Костромских лесов.

И «Славься» твоего хвала родная
Гремит поднесь под звон колоколов
По всей Руси от края и до края.

Стрельна.
22-го августа 1906 г.

СНЕГ

Падай, падай, снег пушистый,
Расстилайся пеленой,
Падай, легкий, падай, чистый,
Землю зябнущую крой.

Заметая дали мглою,
Всякий цвет, отлив и тень
Непорочной белизною
Словно саваном одень.

И беззвучной, и бесцветной,
И безжизненной порой
Дай природе безответной
Мир и отдых, и покой;

Чтоб забыться ей, зимою
Усыпленной до весны,
Чтобы грезились тобою
Ей навеянные сны;

Чтоб копилася в ней сила
На иное бытие,
И с весною воскресила
Тайна творчества ее.

Павловск.
12-го января 1907 г.

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем;

Когда лукавые сомненья
Не подрывают веры в нас,
Когда соблазна горький час
И неизбежные паденья

Нам не преграда на пути,
И мы, восстав, прах отряхая,
К вратам неведомого края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дел и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведем на высоту,
Все отрешаясь от земного;

Когда к Создателю, как дым
Кадильный, возносясь душою,
Неутомимою борьбою
Себя самих мы победим.

Иматра.
1-го августа 1907 г.

НА ИМАТРЕ

Над пенистой, бурной пучиной
Стою на крутом берегу,
Мятежной любуюсь стремниной
И глаз оторвать не могу.

Нависшими стиснут скалами,
Клокочет поток и бурлит;
Сшибаются волны с волнами,
Дробясь о недвижный гранит.

И рвутся, и мечутся воды
Из камня гнетущих оков,
И молит немолчно свободы
Их вечный неистовый рев.

О, если б занять этой силы,
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь;

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В бореньи с неправдой и злом.

Иматра.
5-го августа 1907 г.

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи — дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемлют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют —
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури
И — всепрощения привет —
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдем,
Как небо утреннее чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

Стрельна.
21-го августа 1907 г.

К ОСЕНИ

Роковая, неизбежная,
Подползла, подкралась ты,
О, губительница нежная
Милой летней красоты!

Обольстительными ласками
Соблазнив и лес, и сад,
Ты пленительными красками
Расцветила их наряд.

Багряницей светозарною
Ты, по царски их убрав,
Сдернешь прихотью коварною
Ризу пышную дубрав.

Но пока красы обманчивой
Не сорвала ты с лесов,
Сколько прелести заманчивой
В этой радуге цветов!

Скоро с кротостью печальною
В увяданья тихий час
Сад улыбкою прощальною
Подарит в последний раз.

И с порою грустью веющей
Я безропотно мирюсь
И природе вечереющей
Побежденный отдаюсь.

Павловск.
30-го сентября 1907 г.

ОРИАНДА

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.

Тогда еще был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовонный
Средь диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неугомонный
Во мраморный струился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, виясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.

А ныне я брожу среди развалин:
Обрушился балкон; фонтан разбит;
Обломками пол каменный завален;
Цветы пробились между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,
Зарос колонн развенчанных гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленою объяты думой.

Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я плененною душой.

Орианда-Вильдунген.
10-го августа 1908 г.

П. С. СОЛОВЬЕВОЙ

на ее пьесу: «Свадьба солнца и весне».

Со свадьбы солнца и весны
В мой зимний сумрак и морозы,
Как упоительные сны,
Ворвались радужные грезы.

Нежданной радостью дыша,
Твоим овеяна приветом,
Переполняется душа
Теплом живительным и светом.

На крыльях ласточек твоих
Ко мне, свежо благоухая,
Несется твой певучий стих,
Как песня сладостная Мая.

Мне сыплешь полною рукой
Ты цвет черемухи душистой;
О счастье жаворонок твой
Звенит в лазури неба чистой.

В душе тобой воскрешены
Мечты, восторг и вдохновенье...
Прими ж поэта восхищенье,
Певица солнца и весны!

Павловск.
3-го марта 1909 г.

ЛАНДЫШИ

Если ландыша листья средь жаркого лета
Мне в тени попадутся лесной,
Я не вижу на них благовонного цвета,
Облетевшего ранней весной.

Затаенною грустью и радостью ясной
Сердце сладко заноет в груди:
Много счастья изведано в жизни прекрасной,
Мне не знать уж весны впереди.

Пусть земле возвращает она ежегодно
Белоснежного ландыша цвет, —
Призрак старости манит рукою холодной:
Юным дням повторения нет.

Но не жаль мне покинуть земное жилище:
Там, в неведомой сердцу дали,
Расцветают красы и светлее и чище
Милых ландышей бедной земли.

Либенштейн.
3-го июля 1909 г.

Еще и Марта нет, а снег
Уж тает, обнажая землю.
Я вешних вод веселый бег
Опять, обрадованный, внемлю.

Струи взломали хрупкий лед,
Грачи обратно прилетели...
Пройдет еще две-три недели —
И мир воскреснет, зацветет.

Пригрей, о, солнце, землю лаской
Твоих живительных лучей
И оживи весенней сказкой
Глухую мертвенность полей!

Зазимовавшею душою
Пора очнуться ото сна:
Добра и света дай, весна,
И мне в борьбе со злом и тьмою!

Павловск.
28-го февраля 1910 г.

Посвящается С. Ф. Платонову

О, Ты, могучий телом и душой,
Богатырей старинных воплощенье,
Всю жизнь и сердца каждое биенье
Ты посвятил своей земле родной.

Возрождена, просвещена тобой,
Русь твоего величья отраженье.
К наукам ты в ней пробудил влеченье
И засветил искусств огонь святой.

Тебя в унынии не видали беды,
И пир-горой знаменовал победы.
Ты был солдат, матрос, кузнец, токарь...

Тобой горда Российская держава.
Вовек тебе хвала и честь, и слава,
Законодатель, кормчий, вождь и Царь!

Павловск.
6-го марта 1910 г.

ОСТАШЕВО

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И белорозовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейлевый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пень:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за дерев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе, веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.

Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять, на холм другой
И прихожу, минуя бор сосновый,
К отвесному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой,
Простор и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом
Двумя рядами окон и балконом.
— Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

Осташево.
20-го августа 1910 г.

ВРЕМЕНА ГОДА

О, радость утра ясного весной!
Ты ласточек навеяна крылами.
Вы, незабудки, споря с небесами,
Так празднично убрались бирюзой.

О, летний день! Сияя над землей,
Ты теплыми даришь ее лучами
И мака знойными во ржи цветами
И жаворонка песней заливной.

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...

Симбирск-Москва.
28-го октября 1910 г.

ВЕРЕ РУДИЧ

Вестью о солнце и милой весне
В душу нежданно повеяло мне.
Рад я ответить на стих твой певучий
Откликом чуткого сердца созвучий.
Шлешь мне волшебною силой стихов
Ты незабудки средь зимних снегов.
О, если б легкими песни крылами,
Добрыми, чистыми мог я стихами
Тихо, незримо паря над тобой,
Сердцу навеять и мир, и покой!

Павловск.
26-го февраля 1911 г.

В КРЫМ

Княгине З. Н. Юсуповой.

Навстречу птицам перелетным,
На дальний юг стремились мы
Из царства северной зимы
К весны пределам беззаботным.

Небес полдневных глубины
Чем дальше, тем ясней синели;
Алмазней звезды пламенели
Среди полночной тишины.

И все обильнее цветами,
Благоуханьем и теплом
Весна дарила с каждым днем,
Лаская нежными лучами.

Пустынных гор последний кряж
Нас отделял еще от цели;
Вдали ворота зачернели,
Все ближе, ближе... О, когда ж!

Мы трепетно переступали
Порог скалистый... Наконец!...
В нас сердце замерло... Творец!
Не сон ли это, не мечта ли?

У наших ног обрыв крутой,
А впереди — неизмеримый,
Безбрежный, необозримый,
Лазоревый простор морской.

Неописуемое море,
Лицом к лицу перед тобой,
Пред этой дивной красотой
Не всякое ль забудешь горе!

Кореиз.
27-го апреля 1911 г.

ИЗ КРЫМА

Баронессе Н. Ф. Мейендорф.

Необъятное южное море,
Млея в золоте жарких лучей
Ты надолго сокроешься вскоре
Из плененных тобою очей.

К морю севера путь мой, к печальным
Побережьям туманов и бурь;
И объемлю я взором прощальным
Беспредельную даль и лазурь.

За скалистой исчезла горою
Бирюзовая гладь... О, прощай,
Зачарованный вешней порою
Благодатный полуденный край!

Не видать уж лиловых глициний,
Кипарисов, повитых плющем,
По горам стройных кедров и пиний
И фиалок над звонким ключем.

Но мой север, мой край полуночный
Мне сулит вместо лавров и роз
Милых ландышей цвет непорочный
И душистую свежесть берез.

И спешу я от знойной и темной
Красоты пышнозвездных ночей
В край родной, где заря в неге томной
Во всю ночь не смыкает очей.

Павловск.
21-го мая 1911 г.

НА ДВУХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Среди полночных диких скал
При блеске северных сияний
Его томила жажда знаний
И свет науки привлекал.
Еще над русскою землею
Невежества царила ночь,
И долго, долго превозмочь
Ее он силился мечтою.
Его пленяло с ранних пор
Величье северной природы:
Двины стремительные воды
И моря Белого простор,
И в необъятном океане
Пловучие громады льдин,
И блеск алмазный их вершин
В золотопурпурном тумане,
И ночь, забывшая зимой
Про утра свет, про вечер ясный,
И беззакатный день прекрасный
Цветущей летнею порой.

Юношей, светлой надеждой манимым,
Зимнею ночью, тайком,
С севером смело расставшись родимым,
Отчий покинул он дом.

Труден, пустынен был путь до столицы,
Долго он брел... И вдали
Стены зубчатые, башни, бойницы
Путника взор привлекли,

Встала Москва перед ним: золотые
Главы соборов горят,
Алой морозною мглой повитые
Высятся кровли палат.

Гулко разносится звон колокольный,
Словно пришельца зовет.
Радостно внемля призыв богомольный,
Смело пошел он вперед.

Начал под эти гудящие звуки
Дальнего Севера сын
Жадно умом погружаться в науки,
В тайну их вечных глубин.

Монастырский ученик
Много лет трудолюбиво
Черпал мыслью терпеливо
Вековую мудрость книг.
Из развенчанной столицы —
Белокаменной Москвы
К берегам реки Невы,
В город северной Царицы
Был он вызван. И его
Отослали к иноземцам,
За рубеж, к ученым немцам,
Чтоб постигнуть существо
И искусства, и науки...
Он пытливостью своей
Превзошел учителей.
Там любви восторг и муки
Он впервые пережил.
Страсти творческой волненья
И усладу вдохновенья
Странник сердцем ощутил.

Испытал он много, много
И лишений, и невзгод;
Но идя прямой дорогой
И томясь в чужих краях,
Претерпел лихую долю
И рекрутскую неволю
В прусских воинских рядах.
После долгих лет скитанья,
Возвращаясь в край родной,
Из земли привез чужой
Он сокровища познанья.

У престола сплотясь, в те года
Чужеземцы гнушалися нами.
Весь отдался он жизни труда
И упорной борьбе со врагами.
Словно молотом тяжким ковал
Он певучее русское слово,
И стихами его зазвучал
Наш язык величаво и ново.
Он познал тяготенье миров,
В горных недрах металлов рожденье,
Грозный ток молненосных громов
И небесных созвездий теченье.
В темный век свой всезрящим умом
Разгадал он средь тайн мирозданья,
Что теперь лишь мы смело зовем
Достояньем наук и познанья.

Горячий, в гневе страстный,
Любил он и душой
И сердцем свой прекрасный,
Свой милый край родной.
Надеждой окрыленный
Провидел он мечтой
Россию просвещенной,
Счастливою страной.
И мы любовью нежной
Покроем страстный пыл,
Который так мятежно

Всю жизнь его палил.
Тебя, страна родная,
Уж третий славит век,
Тебе хвалу слагая,
Великий человек.

Стрельна.
8-го сентября 1911 г.

ВЕЧЕР

И. Н. Дараган.

Алеет Нил румяным блеском...
Длиннее тени пирамид...
Багряный вал ленивым плеском
С прибрежной пальмой говорит.

Объята заревом пустыня;
Все ниже солнце... Через миг
Надгробья царского твердыня
Сокроет пламеносный лик;

Коснувшись грани мавзолея,
Горит он кругом огневым
И закатился, пышно рдея,
За исполином вековым.

Хелуан.
31-го декабря 1912 г.

В ЦАРСТВЕ ФАРАОНОВ

Баронессе С. Н. Корф.

Благодари судьбу за счастье,
Кто видел родину чудес,
Край, где неведомо ненастье,
Страну безоблачных небес,
Где у границ немой пустыни
Средь зеленеющих полей
Тысячелетние твердыни
Сокрыли прах былых царей;
Где волей прихоти случайной
Или по замыслу резца
Сфинкс с неразгаданною тайной
Непостижимого лица,
С улыбкой тонкой дни и ночи
Вперяя вдаль пытливый взор,
Расширив каменные очи,
Глядит в безбережный простор;
Где храм таинственный Амона,
Меж пальм, аллеями овнов,
Громадой мощного пилона,
Гигантской рощею столпов,
Своим величьем непомерным
Ум подавляет и гнетет
И словно страхом суеверным
Тревожно душу обдает;
Где над священными струями
Озер разросся тамариск,
И отраженный их водами
Вознесся стройный обелиск;

Где в скалах высекал гробницы
За фараоном фараон;
Египта смуглые царицы
Могильный там вкушают сон;
Где Нил течет между скалами,
И плещет сонная волна
В гранит, с которого веками
Иероглифов письмена
Гласят о здесь когда-то живших,
О позабытых божествах,
О в пирамидах опочивших
Глубокой древности царях.
Благодари судьбу за счастье,
Кто видел родину чудес,
Край, где неведомо ненастье,
Страну безоблачных небес.

Луксор.
19-го февраля 1913 г.

НА РАЗВАЛИНАХ ФИВ

Великой Княгине Елисавете Маврикиевне

Где были стовратные Фивы,
Зеленой теперь пеленой
Раскинулись сочные нивы
Меж Нилом и горной грядой.
Вздымаются два исполина,
Две мощных скалы средь полей;
Цветя разостлалась долина
Вкруг грозных гранитных царей.
Те скалы — колоссы Мемнона;
Десятки веков пережив,
Сбылася мечта фараона:
В колоссах и ныне он жив.
И путник спешит боязливо
Укрыться от каменных глаз
В пустыне, в глуши молчаливой,
Где в небо гора уперлась,
Где розово-желтою кручей
Скала с темно-синих высот,
В песок обрываясь сыпучий,
Отвесной стеною встает.
По прихоти гордой царицы
Здесь высечен храм под горой:
Несчетных столбов вереницы
Взмостились одна над другой;
Тенистые тянутся ходы,
Где свежестью в зной обдает;

Под капища тихие своды
Таинственный сумрак зовет;
Все выше ступени взбегают,
И роспись глухих тайников
С резьбой по стенам обвевают
Загадкой минувших веков,
Когда с этой самой каплицы,
С ее желто-розовых плит
Приковывал взоры царицы
Далекий, чарующий вид
На сочно-зеленые нивы,
На пламенный солнца восход
За Нилом, где в зеркало вод
Гляделись стовратные Фивы.

Луксор.
4-го марта 1913 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1879 год
Задремали волны 9
Прощание с Неаполем 10
1881 год
Письмо 11
1882 год
Серенада 13
Ты победил, Галилеянии 14
Земля пробудилась от долгого сна 15
Вернулся май 16
Опять снизошло на меня вдохновенье 17
Поймете-ль вы те чудные мгновенья 18
Отдохни 19
Письмо 20
С немецкого 22
Письмо 23
Затишье 25
1883 год
Жениху и невесте 26
С. А. Философовой 35
Я баловень судьбы 36
Умолкли рыдания бури кипучей 37
Уж гасли в комнатах огни 38
На пороге жизни 39
Принцессе Елисавете Саксен-Альтенбургской 40
Разлука 41
Принцессе Елисавете Саксен-Альтенбургской 42
1884 год
Давно забытая под слоем пыли 43
Повеяло черемухой 44
Великой Княгине Елисавете Маврикиевне 45
С. А. Философовой 46

Великой Княгине Елисавете Федоровне 47
Великому Князю Сергею Александровичу 48
1885 год
М. П. Маркову 49
Затишье на море 51
Королеве Эллинов Ольге Константиновне 52
Растворил я окно 53
Распустилась черемуха 54
Я не могу писать стихов 55
Перед Сикстинскою Мадонной 56
Нет! Мне не верится 57
Рафаэль Санцио 58
Вчера мы ландышей нарвали 59
Отцветает сирень 60
Как жаль, что розы отцветают! 61
Смеркалось; мы в саду сидели 62
Как хорошо бывало летом 63
Мне снилось что солнце всходило 64
Тебя преследует людская злоба 65
1886 год
Когда, провидя близкую разлуку 66
На совершеннолетие Великого Князя Александра Михайловича 67
Уж скоро стает снег 68
Помнишь-ли ты, 70
Молитва 72
Когда с зарей над сонною землею 73
Садик запущенный 74
Пронеслись мимолетные грезы 75
Розы 76
1887 год
А. Н. Майкову 78
Колыбельная песенка 79
На Страстной неделе 81
А. А. Фету 82
Я. П. Полонскому 83
Королеве Эллинов Ольге Константиновне 84
Озеро светлое, озеро чистое 85
Великой Княгине Анастасии Михайловне 86
После грозы 87

Колокола 88
Великой Княгине Вере Константиновне 89
На смерть графини А. А. Мойра 90
Вдовцу 91
Сперва, обуянный гордыней слепою, 92
Когда меня волной холодной 93
И. А. Гончарову 94
1888 год
Не говори, что к небесам 95
Прошла зима! 96
А. Н. Майкову 97
Меня бранят, когда жалею 98
Поэту 99
Сирень 100
Вчера соловьи голосистые 101
Государыне Императрице Марии Федоровне 102
Гекзаметры 103
В дождь 106
Летом 107
О, не гляди мне в глаза 108
Принцу Петру Александровичу Ольденбургскому 109
В ночи 110
В альбом 112
Жениху 113
1889 год
А. А. Фету 114
В альбом 115
Немного дней осталося 116
Улыбкою утра пригретые снова 117
У озера 118
Любовью-ль сердце разгорится 119
Ели 120
П. И. Чайковскому 121
Красу земли сгубил 122
Как пленительно тихо 123
В детской 124
А. Г. Рубинштейну 125
1890 год
Опять томит очарованьем 126
Иматра 127

Улыбка радостная Мая 128
В разлуке 129
У Балтийского моря 130
1891 год
Будда 132
1892 год
Графу П. Д. Бутурлину 135
1893 год
О, как люблю я этот сад 136
1895 год
У моря в Генуе 137
1896 год
Принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской 139
1897 год
Зарумянились клен и рябина 140
1898 год
Багряный клен 141
1899 год
Кантата на столетие со дня рождения А. С. Пушкина 142
Княгине С. Н. Голициной 144
Когда креста нести нет мочи 145
У моря в Антивари 146
Черногория 147
1900 год
В горах Гастейна 150
Сонет 151
1901 год
Последней стаи журавлей 152
1902 год
Весной 153
У взморья 154
Бывают светлые мгновенья 155
1904 год
Поэту 156
1906 год
Угасло дитя наше бедное 157
Зимой 158
К концу зимы 159

М. И. Глинке 160
1907 год
Снег 161
Блаженны мы, когда идем 162
На Иматре 163
О, если б совесть уберечь 164
К осени 165
1908 год
Орианда 166
1909 год
П. С. Соловьевой 167
Ландыши 168
1910 год
Еще и Марта нет 169
О, Ты, могучий телом и душой 170
Осташево 171
Времена года 173
1911 год
Вере Рудич 174
В Крым 175
Из Крыма 176
На двухсотлетие со дня рождения
М. В. Ломоносова 177
1912 год
Вечер 181
1913 год
В царстве фараонов 182
На развалинах Фив 184

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3467
.K56
1965
t.1